

ЖАВОРОНОКЪ

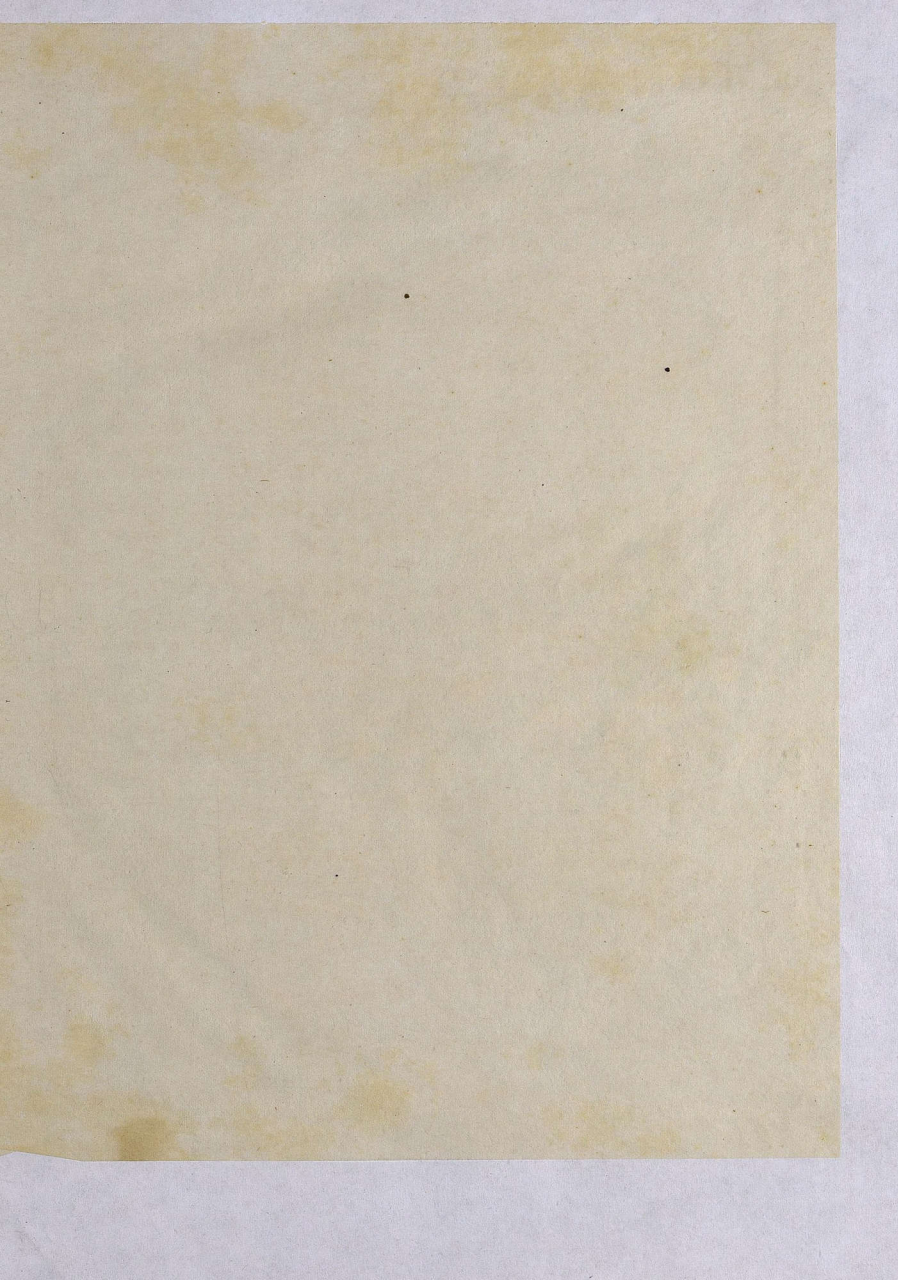

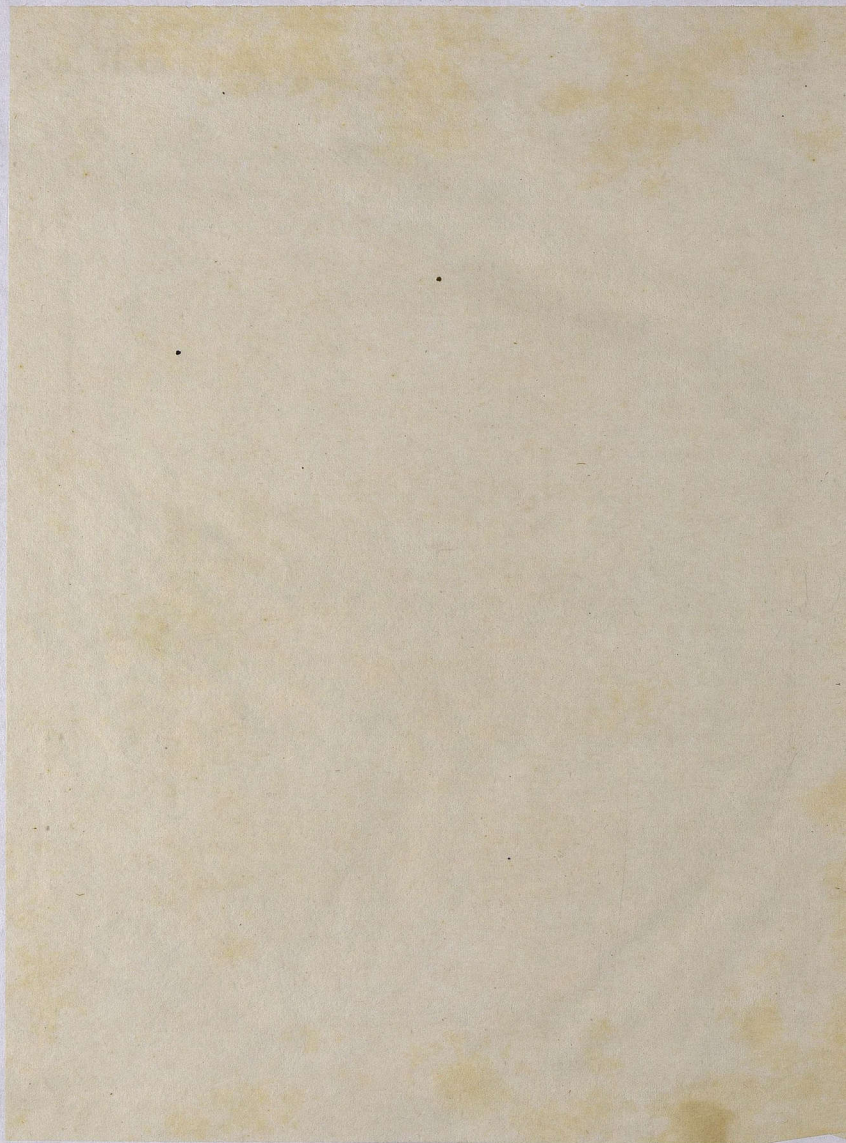
ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1914 г.

МАЛЕНЬКІЙ КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Жаворонокъ.

З И М А.

Бѣлые цвѣточки, лепестки изъ тучекъ
Вьются надъ полями, вьются надъ дорогой.
Слышу крикъ веселый дѣтокъ-красноручекъ:
«Знать, сады на небѣ, знать, весна у Бога!»

Дѣтки звонкомѣшки, цвѣтики земные!
Богъ—весны прекраснѣй, Богъ—цвѣтовъ всѣхъ краше!
Цвѣтопадъ жемчужный, пчелки ледяныя—
Это на потѣху, на веселье ваше.

Каждый—королевичъ, каждому подъ ножки
Мягче горноста я стелется путинка.
Тропы, и дороги, и лѣсныя стежки—
Все—одна сплошная бѣлая новинка.

Ну-ка, въ ходъ салазки! въ бѣгъ—коньки лихіе!
Отставай-ка, вѣтеръ, на крутомъ пригоркѣ!
Гдѣ еще найдутся молодцы такіе?
У кого глазенки такъ ясны и зорки?

Цѣлый день катанье, и снѣжки, и бабы,
Бѣлыя, большія, съ пухлыми руками...
Глядь, ужъ мѣсяцъ красный въ синіе ухабы
Смотритъ изъ-за лѣса сонными глазами.

Ходитъ старый мѣсяцъ, караульщикъ Божій,
По ночному небу, шапку надвигая...
У пустыхъ салазокъ костенѣютъ вожжи,
А въ постелькахъ теплыхъ спитъ ребячья стая.

Алексій Липецкій.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Знаменитый украинскій поэтъ.

Къ разсказу „Юные годы Тараса“.

(Страница 75).

664885 кх-ред.

Российская государственная
детская библиотека

КУКЛА.

*Стихотворение Людвиг Коноратовича *).*

Новый переводъ П. В. Быкова.

Будь паинькой, куколка, плакать не надо,
Капризничать стыдно,—ты знаешь сама...
Ну, слушай, тебѣ рассказать я такъ рада
Про мой разговоръ и съ папѣ и съ мамѣ...

Мнѣ къ празднику сдѣлають новое платье,
Роскошный костюмъ,—и поѣду я въ немъ,—
Молитвы французскія буду ужъ знать я,—
Поѣду въ каретѣ я въ Боженькинъ домъ...

Тамъ лобикъ смочу я святою водичкой,
Начну по-французски молитвы читать,
По-польски не стану: вѣдь, я не мужичка...
Хоть хлопы пойдутъ головами качать...

Но тихо по-польски молить буду Бога,
Чтобъ стать мнѣ красивой, какъ мамы портретъ;
Чтобъ мамѣ и папѣ, и бабушкѣ много
Послалъ Онъ и бѣлыхъ, и желтыхъ монетъ.

Ахъ, папа ихъ любить,—онъ свѣчки все ставитъ,
На блюдо церковное злоты кладетъ.
Богъ милостивъ: папу за то не оставитъ:
Вернетъ во его разъ за положенный злотъ.

*.) Известный польскій писатель.

Придетъ къ намъ еврей въ лапсердакъ, въ ермолкѣ,
И будетъ онъ деньги носить... и дрожать...
Мы купимъ крестьянъ,—и на нашемъ поселкѣ
Они для насъ будутъ и сѣять, и жать...

Ты, кукла, не знаешь,—съ тобой господа мы,
А тѣ всѣ—холопы, все—черный народъ.
Такъ Богъ захотѣлъ, чтобъ работали хамы
И дѣлали все для пановъ, для господъ!

Фи, кукла, какъ грубы они, неприличны,
Оборваны, босы... А кто виновать?
Не слушали папу... Ну, вотъ, и отлично,
Что Богъ наказалъ ихъ, какъ гадкихъ ребятъ!

Вчера, послѣ чаю, нашъ папочка милый
Прилежъ,—а они понашли, на весь домъ,
Какъ дѣти, ревуть, и вопять, что есть силы:
„Панъ, хлѣба давай намъ, мы съ голоду мремъ!“

Ну, папа прогналъ ихъ, побилъ ихъ, сердитый;
Эхъ, вырасту,—стану я такъ поступать,
Чтобъ эти всѣ хлопы мои были сыты,—
А иначе вовсе не буду я спать!

Что скажешь ты, кукла? Заснугъ тутъ возможно,
Когда здѣсь голодныхъ начнется возня?
Вдругъ нищій приснится мнѣ, схватить безбожно
И въ грязный мѣшокъ свой посадить меня?..

А хуже, страшнѣй, если-бъ Богъ все увидѣлъ!
Опъ, слышно, жалѣтъ всегда бѣдняковъ...
Помолимся жъ, кукла, чтобъ Онъ не обидѣлъ —
Насытилъ и насъ, да и всѣхъ мужиковъ!

Пушокъ.

Разсказъ В. В. Муйжеля.

Окончаніе.

VII.

Если бы медвѣди умѣли думать, то Пушокъ, навѣрное, рѣшилъ бы, что его золотые дни прошли. Но онъ не умѣлъ думать и не зналъ — что именно произошло.

Случилась странная перемена — сущности которой медвѣжонокъ долго не могъ уловить. Что-то ушло изъ его жизни — почему-то дни стали пустыми — и трудно было понять — въ чемъ, собственно, дѣло?

Пушокъ бродилъ по двору, выходилъ въ садъ, часто останавливался на какой-нибудь полянкѣ, наполовину обнажившейся изъ-подъ снѣга — и, склонивъ мохнатую голову на бокъ, — стоялъ такъ подолгу.

У медвѣдей плохіе сравнительно глаза, не особенно хорошій слухъ и дурная память. Но у нихъ есть одно качество, которое помогаетъ имъ въ той страшной борьбѣ за жизнь, которую приходится вести медвѣжьему племени: у нихъ есть чутье.

Какъ всякій — или почти всякій — звѣрь, медвѣдь разбирается въ жизни при помощи запаховъ. Запахъ онъ помнитъ долго, различаешь его тонко и самая, казалось бы, не издающія запаха вещи — желѣзо, камни, старое высохшее дерево — говорятъ его носу внятнѣмъ и громкимъ языкомъ.

Странная перемена въ окружающемъ произошла для Пушка потому, что изъ его жизни ушелъ одинъ знакомый, близкій запахъ. Не отдавая себѣ отчета, звѣрь тщетно искалъ его повсюду — бродилъ по двору, заходилъ въ садъ, пробирался къ конюшнѣ — его не чувствовалось.

Кругомъ были тысячи запаховъ — самыхъ разнородныхъ, — манящихъ, пріятныхъ и отталкивающихъ, отвратительныхъ... Были запахи, возбуждающіе довѣріе, какъ, напр., запахъ звѣря, изъ тѣхъ, что ходятъ все время на заднихъ лапахъ (этотъ на очень коротенькихъ) — старческой запахъ той, что звали няней Никитишной... Были опасные запахи — такъ всегда пахло желѣзо, такое же чувство опасенія вызывалъ и запахъ козла и Семки... Но того, что безсознательно искалъ Пушокъ — не было.

Он пробирался къ дому—пахло людьми—очень многими—былъ страшный и влекущій запахъ челоѣка съ пронизательными страшными глазами и сѣрой шерстью на лицѣ—близкій, очень похожій на нужный запахъ—но того не было...

Звѣрь заходилъ въ старую лакейскую—это ему напоминало дѣтство. Потому шелъ въ гостиную — отвратительный, очень опасный запахъ собаки заставляя его чуть-чуть скалить зубы... Но и тутъ не было того, что нужно... И только въ одной комнатѣ, гдѣ стояла маленькая теперь пустая кровать, гдѣ подъ нею стояли сапожки, сохранившіе именно тотъ, памятный, нужный запахъ — Пушокъ чувствовалъ близость ушедшаго изъ его жизни... Онъ лѣзъ подъ кровать, тщательно обнюхивалъ сапожки, потомъ кровать—и, склонивъ голову на бокъ, ждалъ... Но того, что нужно — самого не было. Приходила нянька, вскрикивала,—гнала его вонъ, а потомъ жаловалась:

— Ужъ этотъ медвѣдь — хоть бы сдохъ онъ, что ли! Такъ напугалъ, давеча вхожу въ дѣтскую — стоитъ возлѣ Димочкиной кровати и глазами хлопаетъ, прости, Господи, наши согрѣшенія!..

Пушка гнала, онъ уходилъ опять въ старый птичникъ и ложился тамъ. И — кто знаетъ медвѣжью душу — можетъ быть, тосковалъ?

А время шло. Пришла весна—и, мелькнувъ сказочнымъ сномъ, отуманивъ тысячами ароматовъ — пронеслась мимо. Потомъ было лѣто — жаркое, томительное, съ мухами, которая такъ надоѣдливо лѣзла, съ пальцами днями, когда такъ невыносимо было въ длинной, наполовину вылинявшей шерсти, съ короткими душными ночами...

Отъ жары, мухъ, отъ того, что съ нимъ никто не возился и некому было на него обращать вниманія — Пушокъ сердился. Онъ лежалъ цѣлыми днями въ птичникѣ, выдѣвая только ночью и пугая лошадей и скотъ своимъ беззвучнымъ появленіемъ. Разъ въ такую сердитую, душную ночь на него бросилась Кора, не забывшая старой вражды. Пушокъ съелъ, низко нагнувъ голову и какъ будто не обращая вниманія на нее, а когда лающая собака бросилась, чтобъ укусить—онъ однимъ ударомъ костистой лапы отбросилъ ее съ распоротымъ бокомъ, обливающую кровью. И угрюмо ворча, скаля острые, крѣпкіе зубы, пошелъ дальше...

Другой разъ Семка ударилъ его ногой, когда онъ былъ возлѣ конюшни и лошади метались въ ней, топоча ногами и гремя цѣпями недоуздкивъ. Пушокъ рывкнулъ и вдругъ поднялся на заднія лапы. И тогда Семка вдругъ увидѣлъ, что онъ уже совсѣмъ не маленькій медвѣжонокъ, а порядочный — таки медвѣдь — страшный своей силой и тѣмъ, что онъ разомъ поднялся на дыбы и сталъ больше Семки...

На слѣдующій день приказчикъ доложилъ барину:

— Послѣ вотъ еще Пушокъ этотъ самый.. Который медвѣжонокъ... Дозвольте сказать — дичать онъ начинаетъ—вчера на Сему бросился — тотъ ажъ на сѣновалъ убѣгъ...

Пушка посадили на цѣпь...

VIII.

А время шло... Уже медленно закружились въ березовой аллеѣ желтые листья, уже оголились нивы и краснымъ огнемъ вспыхнули кленъ и стоялъ въ неподвижномъ воздухѣ, распластавъ свои лапчатые листья — чутко прислушиваясь къ тому, что свершалось кругомъ...

А кругомъ уже наступала осень—шла неслышно яркими солнечными днями, двигалась черными звѣздными ночами, пробиралась въ дождливомъ сумракѣ сѣренкаго вечера, а по утрамъ это она, это осень лежала надъ прудомъ густымъ неподвижнымъ туманомъ...

Но Пушокъ ничего этого не видѣлъ. Короткая цѣпь позволяла ему сдѣлать только нѣсколько шаговъ возлѣ старой бочки съ выбитымъ дномъ, поставленной ему у стараго птичника.

Онъ выросъ, сталъ уже большимъ медвѣдемъ и буро-черная шерсть лоснилась на немъ, а подъ горломъ рѣзко намѣтилось бѣлое пятно, было похоже, будто медвѣдь надѣлъ широкой бѣлой галстухъ.

Оттого, что къ нему мало кто подходилъ и никто не спускалъ его съ цѣпи, онъ одичалъ, сталъ угрюмымъ и прежнія смѣшныя шалости уже позабылъ. Теперь онъ былъ серьезный медвѣдь, къ которому служащіе имѣнія боялись подойти, а Семка избѣгалъ даже проходить мимо...

Ѣсть ему давали въ деревянномъ ведрѣ — но онъ ѣлъ мало, больше лежалъ, тоскливо положивъ голову на вытянутыя впередъ огромныя лапы и грѣлся на послѣднемъ осеннемъ солнышкѣ...

Куры и индюшки, бродившія по двору, долго косились на страшнаго звѣря—потомъ, разсмотрѣвъ, что глаза его закрыты—осмѣливались и пробирались къ деревянному ведру, гдѣ оставалось еще много овсянки...

Должно быть, они порядкомъ надоѣдали Пушку, потому-что однажды онъ вдругъ вскочилъ и однимъ ударомъ лапы превратилъ большую индюшку въ кучку мяса и перьевъ, смоченныхъ кровью.

Онъ никогда еще не ѣлъ мяса и теперь съ новымъ незнакомымъ чувствомъ вдыхалъ своимъ чернымъ, шевелящимся носомъ острый запахъ свѣжей крови. Потомъ лизнулъ то, что за минуту предъ тѣмъ было индюшкой—дрогнулъ отъ непонятнаго новаго чувства и, придерживая слегка лапой, сталъ ѣсть. А когда экономка Анна Никитична вмѣстѣ съ приказчикомъ и кучеромъ прибѣжали, чтобы отнять остатки индюшки, онъ заремѣлъ цѣпью, поднялся и заворчалъ такъ, что тѣ не рѣшились подойти...

Индюшка была большая и хорошая и о внезапной смерти ея доложили барину.

Баринъ пошевелилъ длинными, полусудьмы усами и сказалъ:

— Дичаетъ звѣрь... Отвыкаетъ отъ людей. Надо его хоть гулять брать...

И съ тѣхъ поръ время отъ времени страшный двуногий звѣрь съ пронзительными, все видящими и все понимающими глазами и сѣрой шерстью надъ ртомъ отстегивалъ цѣпь и вѣлъ медвѣдя въ паркъ. Пушокъ никого не боялся—ему не былъ бы страшень другой такой-же медвѣдь, но этотъ человѣкъ, предъ однимъ его взглядомъ котораго онъ трепеталъ—страшный человѣкъ, когда-то поровній его хлыстомъ, знакомый по смѣшанному запаху табаку, тѣла и кожаныхъ сапоговъ—велъ его, какъ барана, а онъ шелъ, низко опустивъ угрюмую голову и сумрачно поглядывая маленькими, прячущимися въ густой шерсти, глазками...

Такъ ходили они—оба одинокіе — человѣкъ, тосковавшій безъ жены и ребенка, и звѣрь, смутно чувствовавшій темныя зовы свободы, лѣса—вольной дремучей жизни...

А время шло... Пришла зима, завалила все снѣгомъ, стянула воды крѣпкимъ льдомъ—и небо какъ будто опустилось ниже, земля стала ровнѣй и все замолкло...

Зимом медвѣди спять въ берлогахъ. Они долго и тщательно устраиваютъ ихъ подъ какой-нибудь вывороченной бурей сосной, натаскиваютъ сучьевъ, валежнику и лежатъ всю зиму въ полуснѣ, посаывая лапу... но когда ихъ спугнуть съ належающа мѣста или почему-либо берлоги имъ нельзя сдѣлать—они безпокойны, злы и полны глухого раздраженія...

Пушку нельзя было устроить берлоги въ своей бочкѣ, и онъ тосковалъ темной лѣсной тоской, самъ не понимая, чего ему хочется... Въ это время у него появилась привычка—плотно усѣвшись задомъ на землю, опираясь на переднія лапы и низко склонивъ голову, качаться изъ стороны въ сторону... Такъ качался онъ часъ, два, три, иногда всю ночь; днемъ залѣзалъ глубоко въ бочку и лежалъ неподвижно. А ночью опять садился, опускалъ голову и качался, чуть-чуть переступая съ одной лапы на другую...

Село спало—горѣли яркими, трепещущими искрами высокія звѣзды—смутно бѣлѣлъ ровный снѣгъ—изрѣдка потрескивалъ морозъ, стягивая старья бревна птичника—и не спалъ только угрюмый звѣрь—медленно качался, какъ странный маятникъ, слегка побрякивая настывшей, желѣзной цѣпью...

И когда въ одну изъ такихъ ночей кучеръ вздумалъ подойти къ нему, потрепать его по мохнатой, опущенной головѣ—Пушокъ рявкнулъ и съ грохотомъ вытянувшейся въ струну цѣпи бросился на человѣка...

— Съ нами крестная сила!...—бормоталъ испуганный кучеръ.—Пушокъ, ай ты сдурѣлъ?..

Но Пушокъ уже ничего не слышалъ... Онъ рвался съ цѣпи, ревелъ такъ, что лошади въ дальней конюшнѣ метались, потомъ, видя, что ему не достать человѣка, бросился на свою бочку и однимъ ударомъ страшной лапы отшвырнулъ ее. И долго потомъ не могъ успокоиться—гремѣлъ цѣпью и ломалъ все попадающееся подъ лапы—исковеркалъ свое ведро, выворотилъ столбикъ возлѣ стѣны птичника и когда пришелъ страшный человѣкъ, водившій его гулять—онъ не послушался. Человѣкъ подошелъ ближе—Пушокъ какъ будто присмирѣлъ, но когда это страшное существо подвинулось еще ближе—звѣрь молча бросился на него.

Человѣка спасла только короткая цѣпь. Пушокъ не разсчиталъ и только слегка коснулся когтями вытянутой лапы плеча человѣка. Но это «слегка» разорвало шубу, платье и провело на тѣлѣ человѣка три кровавыя полосы.

Человѣкъ отскочилъ назадъ, молча посмотрѣлъ на медвѣдя и задумчиво сказалъ:

— Надо пристрѣлить его... Прїѣдетъ Дима—еще изувѣчитъ его...

Такъ былъ вынесенъ смертный приговоръ Пушку.

Эго случилось весной, когда поля уже чернѣли и звонкіе ручьи талой воды звали въ ихъ необозримый просторъ...

IX.

Дима съ мамой прїѣхали совсѣмъ неожиданно.

Дима цѣлый годъ не былъ дома—и когда снова увидѣлъ знакомый домъ, милыя, родныя комнаты—онѣ показались ему какъ будто тѣснѣе, чѣмъ были прежде, потолки ниже, стулья и столы меньше... Онъ съ изумленіемъ переходилъ изъ столовой въ кабинетъ, потомъ въ гостиную, потомъ въ свою дѣтскую... Дѣло было очень просто—онъ самъ за этотъ годъ значительно выросъ и старая отмѣтка на обликѣ дверей теперь едва достигала подбородка... Но не только это—что-то еще измѣнилось—и трудно было понять—что?

Какъ будто изъ дома ушло нѣчто и очень трудно было вспомнить—что именно?

Няня? Нѣтъ няня была тутъ—всклипывала по старчески отъ радости неожиданнаго свиданія, утирая глаза маленькимъ, свернутымъ въ комочекъ платкомъ... Папа? Но папа былъ тотъ же—только усы его стали какъ будто сѣдые, а глаза горѣли ярче—милый, дорогой папа, котораго не видѣлъ Дима цѣлый годъ!..

Тутъ же была и Анна Никитична, и кучеръ Антонъ, и даже Семка, выглядывавшій изъ передней—все было то же, но чего-то не хватало...

Дима переходилъ изъ комнаты въ комнату и искалъ. Годъ въ жизни взрослога — срокъ небольшой. Но пятилѣтній ребенокъ однимъ годомъ переживаетъ пятую часть своей жизни, т. е. то же, что пятидесятилѣтній человекъ въ десять лѣтъ. Кромѣ того, дѣти въ первые годы своей жизни видятъ столько новаго, узнаютъ столько вещей, мозгъ ихъ такъ сильно работаетъ, видятъ, понимаютъ, схватываютъ—какъ у взрослога не можетъ обнять за десять лѣтъ... Нѣтъ ничего удивительнаго, что Дима, видѣвшій за этотъ годъ инныя страны, большіе города, тысячи вещей и людей, забывъ что-то очень важное, что должно быть въ этихъ комнатахъ...

Когда въ столовой уже накрывали столъ къ ужину, Дима зашелъ въ старую лакейскую. Онъ остановился посреди комнаты, склонилъ голову на бокъ и думалъ:

— Дѣдушкина шляпа, похожая на перевернутую лодку? Да, это интересно, но не то... Шпага съ серебряной кисточкой? Тоже не то...

Высокіе шкафы стояли по стѣнамъ, бѣлая закопченная печь слегка бѣлѣла во мракѣ. Взглянувъ на нее, на пятно черной копоти удверцы, Дима вспомнилъ:

— Пушокъ! Ахъ, Пушокъ!..

И кинулся вонъ изъ комнаты туда, гдѣ сидѣли большіе.

— Папа, папа, а Пушокъ-то? Гдѣ Пушокъ?—вскрикнулъ онъ, бросаясь къ отцу,—гдѣ же, гдѣ Пушокъ?!

Отецъ въ это время говорилъ съ матерью; онъ подхватилъ кинувшагоса къ нему сына и отвѣтилъ:

— Пушокъ сталъ большимъ и злымъ медвѣдемъ!.. Его надо убить: смотри, какъ онъ оцарапалъ твоего папу,—и, завернувъ рукавъ, показалъ три свѣжихъ едва затянувшихся шрама. — Онъ сидитъ теперь на цѣпи, никого къ себѣ не подпускаетъ и тебѣ къ нему нельзя.. Да, ты знаешь—я не писалъ тебѣ? Мнѣ предлагали продать его въ зоологической музей, но я тогда не согласился, а теперь жалѣю, — продолжалъ папа, обращаясь уже къ мамѣ и опуская съ колѣнъ Диму,—напрасно не отдалъ тогда.

Они продолжали говорить, а Дима отошелъ въ сторону и задумался. Папа много сказалъ про Пушка, но больше всего запомнились слова: «его надо убить».

Папа говорилъ, что Пушокъ сталъ большимъ и злымъ. Первое—вѣрно, самъ Дима выросъ и зарубка на двери доходить только до подбородка, но злымъ... Что-нибудь не такъ... Его должно быть дразнили, или били, но злымъ Пушокъ быть не могъ...

— «Его надо убить»... Когда? Можетъ быть, завтра? Убить его, Пушка? Это невозможно!..

Въ тотъ вечеръ Дима мало ѣлъ и на вопросы отвѣчалъ не сразу, какъ будто плохо слышалъ сказанное.

— Онъ усталъ съ дороги, ему спать пора,—сказала мама, и вмѣстѣ съ няней пошли его укладывать.

Дима легъ и сразу закрылъ глаза. Но онъ не спалъ. Обычно вечеромъ, лежа уже въ кровати—онъ любилъ поболтать, и мама все время должна была его останавливать, но теперь ему было не до разговоровъ.

— Ишь, какъ усталъ,—не успѣлъ голову положить на подушку, какъ уже спать!—усмѣхнулся папа.

А Дима не спалъ. Дима смутно понималъ, что такое смерть, но не было ничего страшнѣе этого слова. Если бы его спросили, онъ не могъ бы сказать чему, но противъ смерти, убійства, уничтоженія возмущалось все его существо.

Взрослые долго еще говорили въ столовой, потомъ горничная Маша долго брэнчала посудой, убирая со стола, потомъ пришла няня и долго, крехтя и бормоча что-то о нашихъ согрѣшеніяхъ, укладывалась на своемъ сундукѣ въ углу.

Уже потухли всѣ огни въ домѣ—лампадка въ дѣтской потрещала и тоже потухла и тогда стало видно, что за окномъ слегка морозить и горять въ черномъ небѣ высокія шевелящіяся звѣзды и стоитъ узкій, тонкій серебряный мѣсяць.

Дима не спалъ. Но и не плакалъ. Онъ чутко прислушивался къ тому, какъ затихаетъ жизнь въ домѣ—и когда няня захрапѣла, когда тишина встала въ пустыхъ и жуткихъ по ночному комнатахъ—онъ поднялся и сѣлъ на кровати.

Самое трудное было надѣть сапоги, но въ крайнемъ случаѣ ихъ можно было и не одѣвать: Дима помнилъ, что въ передней стояли папины калоши—такіе большіе, что могли закрыть ноги до колѣнъ.

Какъ страшно было отворить дверь изъ дѣтской! Какъ забилось Димино сердце, когда няня чуть охнула, ворочаясь на своемъ сундукѣ!.. А какая жуткая темнота была въ проходной буфетной, потомъ въ столовой и дальше въ передней... Если бы не такое страшное, важное дѣло—Дима вернулся бы назадъ, укрлся бы съ головой одѣяломъ и заткнулъ бы уши, чтобъ ничего, ничего не слышать!..

Папины калоши были, дѣйствительно, почти до колѣнъ, но они гремѣли такъ, что за дверь ихъ пришлось вынести въ рукахъ. Дверь слегка скрипнула. Димѣ показалось оглушительно громко, ужасающимъ воплемъ, отъ котораго всѣ въ домѣ должны проснуться, но никто не проснулся. Все было тихо и только неожиданный холодъ обильно все тѣло мальчика и онъ затрясся отъ него весь... Кое-какъ преодолевая эту дрожь, крѣпко сжавъ зубы, чтобы о и не стучали, Дима всунулъ ноги въ огромныя калоши и сползъ съ крыльца. Потомъ пошелъ, шаркая ногами по звонкимъ, стянутымъ тонкимъ ледкомъ, лужицамъ черезъ дворъ, прошелъ на черный дворъ и направился къ старому птичнику...

Отъ холода у него застыли руки, кое-какъ надѣтая курточка, плохо закрывала грудь—и все тѣло покрылось пупырышками, которыя няня почему-то называла обыкновенно гусиной кожей... У няни много было странныхъ понятій...

Непонятнымъ, таинственнымъ серпомъ повисъ въ черномъ небѣ мѣсяць. Онъ свѣтилъ плохо—очень плохо—такъ, что Дима не сразу разсмотрѣлъ Пушка. Онъ увидѣлъ его только тогда, когда звѣрь заворчалъ, загремѣлъ цѣпью и поднялся.

Л. Бэки.

ПЕРВЫЙ УРОКЪ.

— Пушокъ, милый, славный Пушокъ, медвѣжокъ мой!.. — забормоталъ Дима трясущимися отъ холода губами, подходя къ нему и совершенно не обращающаго вниманія на угрожающее ворчаніе,—ты не забылъ меня?

Пушокъ поднялся на всѣ четыре лапы и потянулъ носомъ.

Знакомый, очень знакомый, напоминающій нѣчто очень близкое, запахъ! Чрезвычайно знакомый—несомнѣнно тотъ самый, что слышалъ онъ когда-то!..

Мальчикъ подошелъ совсѣмъ къ медвѣдю, безстрашно обнялъ его шею и поцѣловалъ звѣря въ мокрый чуть шевелящейся носъ.

Не могло быть никакихъ сомнѣній! Этотъ поцѣлуй сказалъ медвѣдю все!

Онъ вдругъ захрюкалъ, лизнулъ быстрымъ горячимъ языкомъ щеку Димы и слегка завизжалъ, словно жалуясь на всѣ бѣдствія, свалившіяся на него за время отсутствія друга...

— П... пу... пу... шокъ!.. — бормоталъ Дима, едва выговаривая слова за нѣмнѣвшими губами,—тебя убьютъ, Пушокъ, милый!..

Пушокъ послушалъ, склонивъ огромную голову на бокъ, и должно быть понялъ, потому что чуть-чуть зарычалъ...

— Тебѣ надо уйти, Пушокъ, понимаешь?—шептала Дима, тщетно пытаясь отстегнуть зазябшими пальцами толстую цѣпь,—ты уходи! Милый Пушокъ—мнѣ—такъ тебя жаль, но тебѣ надо уйти... Тебя убьютъ завтра!

Пальцы у Димы совершенно отказывались повиноваться. Самому ему было холодно, онъ думалъ, что замерзаетъ—жизнь была только гдѣ-то глубоко въ груди—тамъ, гдѣ неровно билось испуганное сжавшееся сердце, трепетавшее при одной мысли о завтрашнемъ днѣ...—Застежка у цѣпи была тугая—и Дима съ ужасомъ думалъ, что ему не отстегнуть ее. Онъ готовъ былъ плакать—и въ отчаяніи, желая хоть чуть-чуть согрѣться—припалъ къ шеѣ Пушка, стараясь забиться ему подъ мышку, гдѣ густая шерсть была теплѣе. И должно быть Пушокъ понималъ и это, потому что съѣлъ на заднія лапы и широко разставилъ переднія, давая пріютъ ребенку на своей косматой, медвѣжьей груди...

Время отъ времени онъ обнюхивалъ мальчика, чуть-чуть лизалъ его голову или лицо своимъ горячимъ языкомъ и слегка повизгивалъ.

Отогрѣвшись немного, Дима снова принимался за работу, но отъ холоднаго желѣза пальцы еще больше стыли—и его охватывало отчаяніе... Онъ возился долго—ему показалось—безконечно долго, уже всю ночь, и уже слезы стали застывать на его озябшемъ лицѣ, когда цѣпь, тамъ, гдѣ она прикасалась къ широкому ременному ошейнику, вдругъ шелкнула и упала, звякнувъ въ послѣдній разъ.

И оба они—и медвѣдь и ребенокъ—поняли, что теперь все кончено. Дима заплакалъ—теперь уже отъ радости, а Пушокъ всталъ, повелъ носомъ и вдругъ отряхнулся такъ, что по его шкурѣ прошла волна. Онъ посмотрѣлъ на Диму, еще разъ лизнулъ его и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Ступай, ступай, ступай!..—твердилъ Дима не слушающимися губами,—ступай!..

Онъ дернулъ медвѣдя за ошейникъ, до котораго теперь едва доставалъ руками, и въ послѣдній разъ прижался къ нему головой. Пушокъ повернулъ голову, обнюхалъ его еще разъ, словно запоминая милый, знакомый запахъ своего избавителя—и медленно, неторопливо пошелъ къ забору, отдѣляющему черный дворъ отъ оранжерей и огородовъ. У забора онъ еще разъ оглянулся.

Ноз Бординьонъ.

ПАСТУШКА.

ЦРОСАПТІВ

№ 100000000

В. Д. Полъновъ.

Ранній снѣгъ

ЦРОСАПТІВ

№ 1000000

Мальчик стоялъ возлѣ стараго птичника—маленькій, казавшійся еще меньше отъ тусклаго свѣта узкаго мѣсяца.

Пушокъ хрюкнулъ, громко фыркнулъ потомъ и поднялся на заднія лапы. Заборъ былъ высокій и крѣпкій, изъ толстыхъ заостренныхъ вверху, брусевъ. Онъ схватился передними лапами за два бруска, налегъ и съ трескомъ выворотилъ ихъ. Потомъ чуть рявкнулъ и пролѣзъ въ дыру...

Онъ шелъ прямо черезъ огородъ, черезъ фруктовый садъ, разломалъ еще одинъ заборъ и вышелъ въ поле... Оно было широко и просторно и края его терялись въ ночной мглѣ. Медвѣдь повелъ носомъ,—сложный ароматъ весенней пробуждавшейся земли несся съ этого поля; звѣрь наклонилъ голову и пошелъ въ перевалку рысью, туда, гдѣ, онъ чувствовалъ безошибочно, былъ лѣсъ...

Лѣсъ, овраги, поросшіе густыми елками, темная дебри, заваленныя валежникомъ, густые кусты, болота—свобода, воля лѣсная, манящая жизнь...

А въ это время Дима уже вылѣзъ изъ огромныхъ калошъ, скинулъ платье и, лязгая зубами отъ холода, корчился подъ своимъ одѣяломъ...

Все тѣло ныло, а голова начинала горѣть и во рту было сухо, и больно было оттаивающимъ рукамъ и ногамъ, и чувствовалось, что гдѣ-то тутъ же надъ маленькой кроватью стоитъ призракъ болѣзни; но на душѣ было свѣтло и хотѣлось смѣяться отъ мысли, что Пушокъ уже въ лѣсу, уже въ безопасности...

И радостный этой радостью, онъ закрывалъ усталые глаза и шепталъ чуть слышно сухими, теперь горячими губами:

— Пушокъ..., Милый, чудесный Пушокъ!..

И былъ счастливъ...

В. Муйжель.

Колыбельная пѣсенка.

У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОЙ.

— Котикъ, очнись! Котикъ милая, ты слышишь меня, маму слышишь?..

Няня принесла въ чашкѣ отваръ сухой малины и, вмѣстѣ съ мамой, положила компрессъ на горло дѣвчкѣ, а папа тѣмъ временемъ метался по городу, ловя доктора. Одинъ только что уѣхалъ, другой—самъ боленъ, третій—еще не вернулся домой; наконецъ, попался четвертый, только что собиравшійся лечь спать послѣ обѣда, и отецъ подхватилъ его и помчался съ нимъ домой.

Котикъ сначала, когда мама встряхивала ее и окликала, открывала сонливо глаза и затѣмъ снова впадала въ забытье, но потомъ уже совсѣмъ не могла очнуться. И въ бреду казалось ей: на дворѣ жарко, жарко; набѣгалась она въ саду, бросилась на гамакъ, качается и такъ ей хорошо, а мама вышла въ садикъ къ ней и говорить:

— Осторожно, тише!..

«Кому это она говоритъ?.. Вѣрно, папѣ, она думаетъ, что Котикъ спитъ», и дѣвчкѣ стало смѣшно, смѣшно, и она хрипло засмѣялась.

Милльонъ бойцовъ.

Разсказъ А. Е. Зарина.

I.

Котикъ захворала. Утромъ она была совсѣмъ веселая дѣвочка и радостно пошла въ гимназію; изъ гимназіи вернулась осунувшаяся, вялая и жаловалась на сонливость и головную боль, а спустя часъ хрипло закашляла и уже лежала въ постели совсѣмъ горячая, воспаленной рученкой сжимая руку матери. Мама сидѣла на краю ея постели и съ тревогой смотрѣла на ея лихорадочно блестящіе глаза, на пылающее лицо, а Котикъ то слабо улыбалась своей мамѣ, то шептала:

— Это пустяки, мамочка; только глотать больно и голова болить, — то вдругъ впадала въ забытье, мотала головкой по подушкѣ и хрипло повторяла слова изъ сказки:

— «Улечу, улечу на чужу сторону»...

Отъ этихъ словъ дѣлалось такъ страшно, что мама встряхивала за руку дѣвочку и говорила:

А солнце такъ и свѣтитъ. Вотъ оно ударило прямо въ глаза дѣвочкѣ, такъ что больно даже. Котикъ поморщилась и открыла глаза. Прямо въ лицо ей упалъ свѣтъ отъ свѣчки, которую держала няня; мама обнимала ее и подерживала; папа стоялъ въ ногахъ у кровати, а незнакомый господинъ раскрылъ ей ротъ, прижалъ пальцемъ языкъ и смотрѣлъ ей въ горло. Котикъ хотѣла закричать, оттолкнуть его, но у ней не оказалось ни голоса, ни силы. Она отвернулась отъ свѣта, зажмурила глаза и ее словно закачали волны и понесли, какъ корабликъ, который она дѣлала изъ щепочки и пускала въ канавкѣ.

— «Докторъ, — подумала она, — не люблю доктора, онъ всегда покоитъ только».

Видитъ она красивый, красивый садъ, а подлѣ себя слышитъ голоса:

— Дифтеритъ!—какъ будто бы закричала мама.

— Захватили во время,—слышится другой голосъ.

— Ъхать... торопитесь... подожду... воды надо... ахъ... пожалуйста...

Были въ саду птицы, вдругъ онѣ всѣ слетѣли на землю, ножки ихъ вытянулись, крылышки растопырились и стали ручками... платья на однѣхъ сѣренькія, на другихъ красненькія, синенькія; онѣ всѣ танцуютъ и поютъ:

— «Котикъ, Котикъ, не лежи; лучше съ нами попляши!»

Котикъ вскочила и стала плясать съ ними, и такъ ей весело, весело. Вдругъ изъ кустика выскочила лиса, зубы бѣлые, острые, глаза блестятъ. Птички сложили ручки, и стали онѣ крылышками, взлетѣли на деревья, а Котикъ хотѣла убѣжать, но лиса бросилась и впилась острыми зубами ей въ ножку.

— Ой!—закричала Котикъ.

А мама обнимаетъ ее и говорить:

— Ничего, дѣточка, ничего.

— Вотъ и все, и кончено!—говоритъ незнакомый голосъ.

— «Чей голосъ? Кто это?»

II.

— Ну, чего же ты испугалась? Пойдемъ, пойдемъ; теперь самое интересное будетъ,—слышитъ Котикъ, и кто-то тащить ее за руку и она идетъ.

А какъ же не страшно? Она даже не знаетъ, гдѣ находится и что это такое, то широкій проходъ, словно огромный длинный коридоръ, то совсѣмъ узенькій, такъ что Котикъ съ трудомъ пролѣзаетъ въ него, а кругомъ, обгоняя ее, катятся красненькіе и бѣленькіе шарики, — много, много, — одинъ за другимъ. Смотритъ на нихъ Котикъ и кажется ей, что у этихъ шариковъ и ножки, и ручки, и лица; у красненькихъ спокойныя такія, даже веселыя, а у бѣлыхъ нахмуренныя, и кричатъ они другъ другу:

— Ну, ну, спѣшите! насъ ужъ все меньше, все меньше. Они побѣждаютъ. Скорѣй, скорѣй!

— Не вертитесь на дорогѣ; эй, вы, посторонитесь!—крикнулъ одинъ такой бѣлый шарикъ Котику, и она испуганно прижалась къ самой стѣнкѣ тѣснаго коридора, а мимо нея волною прокатилась кучка бѣлыхъ шариковъ съ криками:

— Впередъ, впередъ, на бой!

— Ничего не понимаю. Мнѣ и тѣсно, и жарко, и страшно чего-то. Гдѣ я?—жалобно простионала она.

— О, о, глупая,—сказалъ ей чей-то голосъ, — не видишь развѣ, это—жилы, мы въ самыхъ артеріяхъ, по которымъ течетъ твоя свѣжая, горячая кровь. Оттого, такъ и жарко.

— Какая же это кровь? ты врешь, —разсердилась Котикъ;—это красные и бѣлые шарики; это человѣчки.

— Ха, ха, ха! да это-то и есть кровь, красные и бѣлые шарики. Эхъ, бѣлыхъ-то мало. Ну, бѣжимъ скорѣе.

— Куда?

— Да вѣдь у нихъ война; на войну смотрѣть. Скорѣй, скорѣй.

И опять Котика кто-то потащилъ по темнымъ жаркимъ коридорамъ, а со всѣхъ сторонъ имъ кричали:—Дорогу, берегись! — и со всѣхъ сторонъ бѣжали бѣлые шарики, обгоняя ее и говоря другъ другу:

— Эхъ, мало насъ. Скорѣе впередъ; ихъ все прибываетъ; не робѣйте!

— «Съ кѣмъ они сражаются? изъ-за чего война?»

III.

Кто-то крѣпче ухватилъ ее за руку, дернулъ, протиснулъ сквозь узенькую щель и вытащилъ на просторъ. Она съ удивленіемъ оглянулась:

— Гдѣ мы?..

— Вотъ и война, смотри!—говорилъ чей-то голосъ,—вотъ они сражаются.

Это была какая-то странная война. Ничего подобнаго Котикъ раньше о войнѣ ни слыхала, ни читала, ни видала на картинкахъ. Солдатъ нѣтъ, нѣтъ ни сабелъ, ни ружей, ни пушекъ, ни грохота, ни порохового дыма, но кругомъ все возится, кипитъ, волнуется. Какія-то прехорошенькія крошечныя существа, ужасно похожія на маленькіе тоненькіе карандашики, красиво изгибаюсь, скользили туда и сюда, и старательно, дѣятельно, торопливо работали какую-то работу. Они соединялись вмѣстѣ и плели бѣлую тонкую ткань и разстилали ее отъ одного края до другого, заслоняя какія-то трубочки. А въ это время бѣлые шарики-человѣчки съ яростными криками устремлялись на нихъ и пожирали ихъ, душили ихъ, топтали ихъ. Котикъ возмущилась. Ей стало жалко этихъ красивыхъ, трудолюбивыхъ карандашиковъ.

— Оставьте ихъ! за что вы ихъ обижаете? — закричала она, хватая одинъ шарикъ.

— Эта дѣвчонка съ ума сошла, — проворчалъ бѣлый шарикъ, вырываясь изъ ея рукъ, и тутъ же съ яростью уничтожилъ цѣлый десятокъ тонкихъ палочекъ, но на мѣсто ихъ тотчасъ появилась сотня такихъ же изящныхъ и стройныхъ существъ, которыя, извиваясь, продолжали свою работу.

Котикъ радостно захолопала въ ладоши.

— Что, справишься теперь?—злорадно сказала она, когда бѣлый шарикъ съ отчаяніемъ сталъ звать къ себѣ на помощь.

— Кто эта дура? — заревѣлъ съ яростью одинъ бѣлый шарикъ, выкатываясь впередъ.

— Сама госпожа,—раздался чей-то голосъ.—Она пришла поглядѣть на битву.

— А вы кто?—сердито спросила Котикъ шарикъ а.

Шарикъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, почтительно подкатился къ ней и съ важностью хорошаго слуги надулся передъ нею.

— Старшій Микрофагъ изъ рода фагоцитовъ,—отвѣтилъ онъ ей.

— Зачѣмъ же вы нападаете на этихъ хорошенькихъ?—спросила Котикъ. Бѣлый шарикъ даже перевернулся на мѣстѣ.

— На этихъ?—заревѣлъ онъ,—да, вѣдь, это же ваши враги, наши враги! они покушаются на вашу жизнь.

— Какъ?—удивилась Котикъ.

— Это самая злая порода стрептококковъ; они называются дифтерійными палочками. Видите? видите? Они стараются этими простынями, которыя ткуть, закрыть всѣ проходы для воздуха. Красные шарики уже начинаютъ блѣднѣть. Когда эти твари закроютъ послѣднюю щелку и мы погибнемъ, погибнете и вы.

— Я?—и Котику стало страшно. — О, спасите меня!—закричала она;— что же я имъ сдѣлала, я ихъ даже не знаю.

— Мы бѣдемъ изъ послѣднихъ силъ,—сказалъ Микрофагъ.—Мы ихъ совершенно не ждали; вдругъ прибѣжалъ часовой:—Кокки, кокки!—Мы бѣжимъ и видимъ, что они уже начали свою работу. Мы тотчасъ бросились въ бой; теперь я созвалъ всѣ силы, хотя насъ все-таки мало, а ихъ все больше и больше.—Сюда, сюда!

Бѣлые шарики устремлялись на его зовъ, но Котикъ видѣла, что ихъ, правда, гораздо меньше, чѣмъ палочекъ. Шарики выкатывались изъ тоненькихъ жилокъ, бросались на палочки, истребляли ихъ десятками, сотнями, а онѣ злая все увеличивались и увеличивались въ количествѣ и продолжали ткать свои простыни, закрывая каждую дырочку, каждое отверстіе, каждую щелку.

Какъ? и она, Котикъ, помретъ и не увидитъ больше ни папу, ни маму, ни няню, ни гимназію, ни подругъ, ни неба, ни солнца?..

— Нѣтъ, нѣтъ, спасите меня!—закричала она, протягивая руки къ бѣлымъ шарикамъ,—милые бѣлые шарики, дорогие фагоциты, спасите меня!

— Рады стараться!—хоромъ крикнули бѣлые шарики и съ удвоенною яростью набросились на палочки, но тѣхъ становилось все больше и больше. Пленки росли, оставались двѣ, три дырочки, а бѣлыхъ шариковъ уже почти не было видно среди извивающихся стрептококковъ. Главный Микрофагъ съ кучкою товарищей столпились у одной дырочки и защищали ее. Котикъ чувствовала, видѣла, что еще немного, и ея защитники пропадутъ въ неравномъ бою.

— Сюда, сюда!—кричалъ главный немногимъ оставшимся, и бой кипѣлъ теперь только въ одномъ мѣстѣ.

Враги плели свои простыни и все больше и больше тѣснили фагоцитовъ.

— «Умру, они сейчасъ закроютъ и эту дырочку»,—подумала Котикъ, и ей стало жалко-жалко и папу, и маму, и себя.

Вдругъ всѣ палочки тревожно заволновались.

— Бѣгите, сюда! дружныи!—раздались откуда-то воинственные крики, и быстрыми волнами, неизвѣстно откуда, стали выкатываться бѣлые шарики.

— Ура! помощи!—закричали погибавшіе борцы и съ новой яростью набросились на палочки.

Что это? откуда? Со всѣхъ сторонъ катились новые и новые бѣлые шарики; скоро они покрыли собою почти всѣ палочки; бой закипѣлъ съ новой силой, и Котикъ вздохнула и радостно захлопала въ ладоши. Палочки погибали, другъ за другомъ срывались тонкія пленки, открывались широкіе проходы и свѣжій воздухъ врывался въ нихъ струями. Котикъ увидѣла, какъ сразу радостно покраснѣли красные шарики, а бѣлые шарики все прикатывались и

прикатывались—новые, свѣжіе, истребляя остатки врага и всё его постройки. Къ Котику подкатился старшій Микрофагъ. Лицо его дышало торжествомъ побѣды, онъ надулся, какъ большой пузырь, и крикнулъ:

— Ура! побѣда за нами, врагъ истребленъ!

— Благодарю,—съ чувствомъ сказала ему Котикъ,—я скажу папѣ, какъ вы храбро сражались; онъ наградитъ васъ.

— Благодарить меня не за что,—скромно отвѣтилъ Микрофагъ.—Благодарить надо того, кто послалъ намъ неожиданное подкрѣпленіе; безъ него мы уже погибли.

— Идемъ назадъ,—сказалъ кто-то и взялъ Котика за руку.

Бѣлые шарики-фагоциты торопливо срывали и уничтожали обрывки пленокъ—работу палочекъ; кучи убитыхъ палочекъ лежали и здѣсь и тамъ.

Котикъ вошла въ одинъ изъ широкихъ проходовъ; на нее пахнулъ свѣжій воздухъ, она глубоко вздохнула и открыла глаза... Надъ ея лицомъ склонилась мама и радостно смотрѣла на нее. Котикъ слабо улыбулась.

— Жива, жива, спасена!—закричала мама и, положивъ голову на подушку Котика, заплакала.

На ея крикъ прибѣжали няня и папа.

— Очнулась; выздоровѣла; здравствуй, Котикъ!

Котикъ улыбалась всѣмъ и чувствовала, какъ счастье жить наполняетъ все ея маленькое существо.

— Спасибо вамъ, фагоциты,—прошептала она.

IV.

Котикъ поѣла и заснула крѣпкимъ спокойнымъ сномъ, а потомъ проснулась слабенькая, но уже спасенная отъ ужасной болѣзни. Подлѣ нея сидѣли папа и мама, въ ногахъ кровати стояла старая няня.

— Ну, спасена!—съ радостнымъ вздохомъ сказалъ папа,—теперь тебѣ надо только поправляться; ѣсть больше; спать больше.

— А знаете, кто меня спасъ?—спросила Котикъ.

— Кто?

— Микрофагъ изъ рода фагоцитовъ,—важно сказала она, и передала все то, что она видѣла въ бреду.

Мама взглянула на папу.

— Она слышала объясненіе доктора,—прошептала она.

Папа кивнулъ и съ улыбкою отвѣтилъ Котику:

— Это все такъ и было, мой Котикъ. Когда ты выздоровѣешь, мы съ тобой поѣдемъ къ доктору, и онъ покажетъ тебѣ въ микроскопъ каплю крови: ты увидишь въ ней и красные кровяные шарики, и бѣлые, твоихъ друзей фагоцитовъ. Ихъ миллионы, и они всё борцы за наше здоровье и жизнь.

— А откуда пришла къ нимъ помощь?

Папа засмѣялся:

— Настоящая война. Это докторъ послалъ имъ подкрѣпленіе.

— Откуда онъ взялъ ихъ такъ много?

— О, это цѣлая исторія! ихъ теперь нарочно приготавливаютъ. Ты вотъ узнала, что дифтеритъ—это поганья палочки, которая живутъ и ткуютъ свои страшныя пленки, заволакивая горло, всё дыхательные пути и прекращая жизнь красныхъ кровяныхъ шариковъ. Когда у человѣка много фагоцитовъ, т. е.

бѣлыхъ шариковъ, и они уже знакомы съ этимъ врагомъ, они живо съ нимъ справятся, но если ихъ мало, да они еще видятъ эту дрянъ въ первый разъ, имъ ни за что не справиться. Вотъ почему прежде отъ дифтерита почти всегда умирали. Но вотъ нашлись ученые, которые открыли и вредныя палочки и способъ борьбы съ ними. Надо увеличить у больного количество фагоцитовъ и притомъ такихъ, которые способны на борьбу съ палочками. И вотъ стали дѣлать такъ. Вѣдь, лошадь сильнѣе человѣка, да? Ну, вотъ, берутъ у больного дифтеритомъ человѣка немного крови и впускаютъ ее въ кровь лошади. Что тогда будетъ?

Котикъ подумала.

— Значить, лошади послали въ кровь эти поганья палочки, и она заболѣтъ,—отвѣтила она.

— Совершенно вѣрно. Но лошадь сильная; фагоциты въ ея крови тотчасъ начинаютъ сраженіе, чѣмъ больше палочекъ, тѣмъ больше ихъ. Они бьются, побѣждаютъ, и становятся уже опытными бойцами. А теперь подумай: если взять кровь отъ такой лошади, что въ этой крови будетъ?

— Тамъ будутъ фагоциты, уже умѣющіе сражаться съ палочками!

— Такъ, моя дѣвочка! и вотъ берутъ эту кровь, да и посылаютъ ее тому человѣку, который заболѣлъ дифтеритомъ; къ войску въ его крови да еще это новое, свѣжее войско. Вотъ и побѣда! Поняла?

Котикъ улыбулась. Ей стало понятно, откуда къ ней пришла внезапная помощь. «Но какъ же это все сдѣлать? достать больного, потомъ лошадь, потомъ брать у нея кровь?»

Папа понялъ, о чемъ она думаетъ, и сказалъ:

— Эту кровь отъ лошади съ опытными бойцами-фагоцитами имѣютъ уже приготовленной; изъ нея дѣлаютъ сыворотку и берегутъ ее въ пузырькахъ. А чтобы имѣть ее всегда въ запасъ, для этого держатъ въ особомъ мѣстѣ нѣсколько лошадей, которымъ сперва впускаютъ отъ больныхъ дифтеритомъ кровь, даютъ имъ выздороветь и тогда отъ нихъ берутъ кровь и изъ нея дѣлаютъ сыворотку, которую разсылаютъ по больницамъ и по аптекамъ.

Котикъ зажмурилась. Какъ это удивительно! Въ ней, въ ней самой, недавно происходило такое страшное сраженіе! Запасное войско было въ пузырькѣ и его ей вспрыгнули. Вотъ забавно...

— Кто это придумалъ, папа?

— Докторъ Ру изъ Парижа и докторъ Берингъ изъ Берлина,—отвѣтилъ папа,—это было въ 1893 году, и теперь, когда заболѣла наша Котикъ, мы уже не боимся, что она умретъ. Ру и Берингъ. Запомни, Котикъ, ихъ имена.

— Имъ при жизни поставили памятникъ,—сказала мама.—Передъ ними на колѣняхъ стоитъ мама и прижимаетъ къ груди спасеннаго отъ смерти ребенка.

— Ру и Берингъ,—повторила Котикъ,—да и Микрофагъ говорилъ, что благодарить надо того, кто послалъ имъ подкрѣпленіе...

Не забудьте и вы, дѣти, этихъ именъ.

А. Заинь.

ЛЮБОПЫТНЫЕ.

ДѢДЪ МАТВѢЙ.

Картины деревенской жизни. Соч. Скитальца (С. Г. Петрова).

И

ЗБА дѣда Матвѣя стояла прямо противъ околицы и была похожа на него самого: большая, кряжистая, свороченная изъ толстыхъ балокъ, съ сѣрой соломенной крышей и хмурыми окнами.

Таковъ же былъ и дѣдъ Матвѣй: большой, плечистый, почти великанъ: когда онъ ходилъ по избѣ, то половицы гнулись подъ его шагами, а былъ онъ худой и костистый, съ длинной сѣдой бородищей и лысиной во всю голову. Говорилъ мало и раздражался, если его не понимали съ полуслова. Вообще дѣдъ былъ угрюмъ и властенъ и, должно быть, горячъ нравомъ, потому что въ минуты гнѣва внушалъ страхъ всей своей семьѣ, хотя никогда никого не билъ, а

только замахивался, чѣмъ попало, что было у него въ рукахъ: кнутъ, вожжи, оглобля—все равно. Всѣ знали, что онъ не ударить—но не могли не бояться его въ такія минуты.

Вспышки его крутого нрава могла сдерживать только бабушка Анна, его жена, кроткая и тихая, сухенькая, по-старушечьи красивая, которую дѣдъ, вѣроятно, и теперь еще любилъ со всей пылкостью своего бѣшеннаго нрава. Она ходила всегда въ синемъ пестрядинномъ сарафанѣ съ двумя рядами оловянныхъ пуговицъ отъ груди до подола.

Шесть дочерей дѣда Матвѣя всѣ были замужемъ, а при немъ жили только два сына: Якимъ, взрослый, тихій парень, котораго пора было женить, и Алеша—совсѣмъ маленькій,—дѣтъ семи—послѣдшій, да еще внученочъ такой же—отъ младшей дочери, выданной за бродячаго мастерового.

По зимамъ дѣдъ съ Якимомъ рыбачили: ловили подо льдомъ крючками и сѣтями зубастыхъ аршинныхъ щукъ и линей, а въ долгіе зимніе вечера плели сѣти и снасти, втаскивали въ избу цѣлыя охапки лыкъ и мочала, чинили сбрую, плели лапти.

Бабушка въ это время прядла пряжу и сказывала дѣтямъ интересныя, поэтическая сказки съ припѣвами о бабѣ-ягѣ-костяной ногѣ, о волкѣ, лисѣ и медвѣдѣ.

Ребята сидѣли на полу у ея ногъ и жадно слушали. Подъ впечатлѣніемъ разсказанныхъ имъ чудесъ пугались бабушкиной тѣни, которая двигалась по выбѣленному «подтопку» и казалась имъ бабой-ягой. А въ морозныя темныя окна смотрѣла таинственная зимняя ночь, населенная сказочными страхами, и чудилось имъ, что около избы, поскрипывая по морозному снѣгу, ходитъ медвѣдъ «на липовой ногѣ, на березовой клюкѣ» или — вѣчно обманутой лисой—сѣрый волкъ, страдалецъ, наказанный порокъ—неожиданно сдѣлавшійся ихъ любимцемъ. Желая облегчить его страданія, они плели ему изъ обрѣзковъ лыка—лапти и на ночь вывѣшивали ихъ подъ сараемъ въ надеждѣ, что волкъ догадается ихъ надѣтъ. Но волкъ не догадывался.

Вся эта деревенская идиллія освѣщалась лучиною, а позднѣе—жестяной дешевой лампой.

Дѣдъ, работая кочедыкомъ, нюхаль табакъ изъ берестяной табакерки и пѣлъ свою любимую, протяжную пѣсню. Дѣти заслушивались пѣсней дѣда: она была очень интереснаго содержанія:

Мы пойдемъ-ка, братцы, вдоль по улицѣ,
Пропоетъ-ка мы пѣсню старую...

негромко, но складно запѣвалъ онъ, ковыряя лапотъ и постукивая по нему черенкомъ:

Пѣсню старую—Волгу-матушку:
Широко-то Волга разливалась,
Поймала она всѣ горы—доли,
Всѣ горы—доли, часты острова...

Лучина потрескивала, невѣрнымъ, фантастическимъ свѣтомъ, обливая потолокъ и стѣны избы. Голосъ дѣда лился такъ мягко и ритмично, что можно было заслушаться. На минуту онъ умолкалъ, постукивая по лаптю кочедыкомъ, но потомъ опять продолжалъ:

Оставался тутъ чистъ-ракетовъ кустъ.
На кусту сидѣлъ младъ-ясеень соколь,
Во коготяхъ держалъ черна ворона.
Онъ и бить не бьетъ—все выспрашиваетъ:
Ужь ты гдѣ, воронъ, былъ, гдѣ полетывалъ?..

Вниманіе дѣтей къ пѣснѣ напрягалось съ каждымъ куплетомъ: они забывали свою работу и неподвижно смотрѣли на него, сидя на полу. Свѣтъ лучины поблескивалъ на ихъ бѣлыхъ головахъ. Пѣсня занимала ихъ:

Былъ я, воронъ, все за Волгой-рѣкой,
Видѣлъ тамъ отца съ матерью:
За столомъ сидятъ, думу думаютъ:
Намъ котораго сына во солдаты берутъ?..

И задумывался дѣдъ, какъ будто и самъ онъ не зналъ, кого-бы изъ своихъ сыновей сдать въ солдаты.¹ Потомъ, какъ бы рѣшивъ что-то, запѣвалъ:

Ужь какъ сдать ли,—не сдать—сына старшаго?
Да у старшаго дѣти малыя...
Ужь какъ сдать ли,—не сдать—сына средняго?

И, наконецъ, послѣ минутнаго раздумья, замедляя унылый мотивъ, съ задушевнѣею грустью заканчивалъ пѣсню:

Ужь какъ сдать ли,—да сдать—сына малаго:
У него ли нѣтъ ни жены, ни дѣтей,
Да и самъ-то онъ непочетный сынъ...

Вѣчно молчаливый, красивый, молодой богатырь — Яфимъ — ухмылялся, слушая пѣсню отца, а старикъ, послѣ пѣсни, смачно понюхавъ табаку изъ табакерки, наклонялся къ сидѣвшимъ на полу малышамъ и, взявъ свою полуаршинную бороду концомъ въ ротъ, пугалъ ихъ, но дѣти смѣялись и лѣзли къ нему на колѣни, улыбался Яфимъ, и тихимъ, добренькимъ смѣшкомъ посмѣивался пряхшая пряжу бабушка Анна. А дѣдъ сажалъ обоихъ ребятъ верхомъ на каждое свое колѣно, потряхивалъ ихъ и припѣвалъ:

Рыжий краснаго спросилъ:
„Чѣмъ ты бороду красилъ?“
„Я не краской, не подмазкой,
Я на солнышкѣ лежалъ,
Кверху бороду держалъ!“

Потомъ опять продолжалась работа, ребятишки переходили отъ дѣда къ бабушкѣ и слушали ея безконечныя сказки. Наконецъ, они, тѣсно прижавшись другъ къ другу, засыпали у бабушкиныхъ ногъ, склонившись къ ея пестрядинному сарафану.

Просыпались уже на полатяхъ, въ объятіяхъ другъ-друга, когда была еще ночь, но уже начиналось зимнее деревенское утро, и въ темной избѣ бабушка раздувала уголь, чтобы зажечь лучину. Она затопляла печку, а потомъ опять садилась за пряжу. «Мужиковъ» въ это время уже не было: они появлялись на разсвѣтѣ, крѣпко хлопая промерзшею дверью, и входили въ обледенѣлыхъ лаптяхъ и полушубкахъ, съ мѣшкомъ мерзлой рыбы: это они уже успѣли съѣздить на рыбную ловлю. И опять начиналось рабочее зимнее утро, похожее на вечеръ.

Во всей деревнѣ былъ только одинъ нищій—отставной николаевскій солдатъ, отслужившій двадцать пять лѣтъ военной службы, по прозванію «Качка». У него была поговорка «качка тебя заклюй!». Качками называлъ онъ воронъ, и поэтому самого его прозвали «Качкой».

Онъ былъ очень высокъ ростомъ, страшно худъ и тонокъ, съ маленькой птичьей головой, остриженной на-голо, смуглымъ бритымъ лицомъ и длиннымъ острымъ носомъ. «Качкой» пугали въ деревнѣ дѣтей, говоря имъ, что онъ унесетъ ихъ въ своей сумѣ, и бѣдный солдатъ доживалъ свою ужасную жизнь, служа пугаломъ для непослушныхъ ребятъ.

Когда онъ входилъ въ избу, съ большой сумой черезъ плечо и стаскивалъ шапку съ бритой головы, дѣти въ ужасѣ забивались на полати, укрывались тамъ съ головой и не дышали: такъ страшень онъ былъ и необыченъ и непохожъ на людей деревни. Да и никто, кромѣ него, не ходилъ съ сумой за подаянiемъ, кромѣ развѣ попа, который нѣсколько разъ въ годъ прiѣзжалъ въ деревню «по сбору». Онъ былъ такой ласковый, что дѣти его не боялись, но зато боялся скупой дѣдъ и прятался отъ него подъ навѣсь, желая отдѣлаться отъ церковной повинности.

Но старенькій, улыбающийся священникъ, до-нельзя со всѣми ласковый и расточающій медоточивыя рѣчи, зналъ характеръ каждаго мужика, и—съ необыкновеннымъ чутьемъ отыскивалъ дѣда въ клѣти или на заднемъ дворѣ, послѣ чего и получалъ свою узаконенную пудовку муки.

Мужики смѣялись надъ жадностью дѣда и хитростью попа, котораго любили за ласковость и величайшее участiе въ ихъ дѣлахъ.

— Попокъ ходитъ!—говорили они, завидя его сытую лошадку съ работникомъ и самого попа, въ остренькой порыжѣлой скуфейкѣ и желтой съ просѣдью бородежкой клинншкомъ, всѣмъ кивающаго и безъ умолку говорящаго.

Дѣдъ Матвѣй любилъ землю и крестьянскую работу и для расширенiя послѣдней тщательно откладывалъ въ «кубышку» золотыя монеты, мѣстоприванiе которой ревниво скрывалъ.

Дѣду Матвѣю казалось, что земля годъ отъ году родитъ хуже, дождей выпадаетъ меньше, и солнце ужъ не грѣетъ такъ сильно, какъ прежде, когда, бывало, даже ночью люди ходили на рѣчку купаться. И земли у мужиковъ становится все меньше, словно она уходитъ у нихъ изъ-подъ ногъ: грустно становилось дѣду Матвѣю, когда въ минуты раздумья смотрѣлъ онъ на младшаго сына и внука, думая о ихъ будущемъ. Надвигалось откуда-то непонятное и угрожало разореньемъ. Появились въ избахъ самовары и жестяныя лампы, дѣвки-франтихи начали ситцевыя платья носить, и честности стало меньше въ народѣ. Вздыхалъ дѣдъ Матвѣй и долго шепталъ что-то самъ себѣ по ночамъ на полатяхъ: такая ужъ у него была привычка шептать: онъ умѣлъ думать только вслухъ. И чаще всего вышептывалось у него слово «мошеники». Правда, до разоренья какъ будто было еще далеко: въ кубышкѣ лежало нѣсколько тасченокъ, и вообще не изъ бѣдныхъ былъ дѣдъ Матвѣй: скотины было порядочно: штукъ двѣнадцать лошадей, четыре коровы, сотни овецъ, а на гумнѣ всегда полныхъ два амбара съ зерномъ. Да не въ этомъ дѣло: на убыль шла жизнь, не прибывало, а убывало въ хозяйствѣ, и причина была неясна ему.

— Женить надо Яфимку!—все чаще сталъ шептать дѣдъ, когда по ночамъ не спалось ему на полатяхъ.

Когда начинало пригрѣвать весеннее солнце, и деревенская улица покрывалась зеленой муравой—вся семья дружно готовилась къ полевымъ работамъ: налаживали плуги и сохи, чинили бороны, заказывали новые лемехи и сошники кузнецу Мигуну. Мигунъ былъ веселый носатый мужикъ съ часто ми-

гавшими глазами и торопливой рѣчью. Онъ не только дѣлалъ сошники, лемехи и топоры, но умѣлъ заговаривать кровь, лечилъ, рвалъ зубы, поилъ больныхъ наговорной травой и считался колдуномъ. Жилъ особнякомъ отъ деревни, а кузница его стояла въ полѣ, за околлицей. Всю весну въ ней кипѣла работа, дышалъ горнъ, сыпались искры подъ ударами тяжелого молота.

Когда земледѣльческія орудія приходили въ исправность—дѣдъ Матвѣй съ сыновьями и внукомъ выѣзжалъ на пашню. Съ лукошкомъ черезъ плечо, безъ шапки, нашептывая что-то про себя, онъ сѣялъ зерна, ловко раскидывая ихъ полукругомъ; Якимъ пахалъ, а двое маленькихъ бороновали. Надъ пашней вились грачи, влажная, жирная земля тяжело прилипла къ лаптямъ: это была тяжелая и грязная работа: допотопный плугъ надо было держать на рукахъ и на ходу счищать съ лемеховъ желѣзной лопаточкой налипшую землю, ноги нашивались между пластами взрытой земли, а грудь и горло надрывались отъ неперестаннаго крика на лошадей.

Въ субботу обязательно топили по черному баню и отмывались тамъ отъ грязи и пыли. Въ воскресенье сладостно и долго спали. Въ видѣ воскреснаго отдыха дѣдъ Матвѣй любилъ послѣ обѣдни ѣздить за свѣжей травой въ поемные луга на праздничный кормъ лошадямъ. Въ этихъ случаяхъ въ телѣгу всегда запрягали «Чалку»—старога чалаго мерина—любимую дѣдову лошадь. Это былъ вѣрный другъ дѣда—настоящій крестьянскій добрый конь.

Чалка отличался необыкновеннымъ умомъ, замѣчательной памятью на дороги и ретивостью къ работѣ: никогда не дожидался кнута, возилъ шагисто, бѣжалъ скоро, а въ темныя ночи никогда не сбивался съ пути. Даже и теперь, когда силы стали уже замѣтно измѣнять ему—онъ все еще по старинѣ норовилъ бѣжать съ тяжелымъ возомъ рысью, но скоро уставалъ и только моталъ головой, словно хотѣлъ сказать: «эхъ, старость, старость!».

Въ эти поѣздки «за травой» дѣдъ всегда бралъ съ собой ребятишекъ.

Пріятно было имъ возвращаться домой, лежа на мягкой, влажной и ароматной, только что скошенной сочной травѣ.

Чалка, по обыкновенію, пытался бѣжать убористой рысью, но однажды, переѣзжая черезъ грязный мостикъ, завязъ въ топкой грязи и не смогъ вывести воза.

Тогда дѣдъ, ворча, слѣзъ съ тяжелой телѣги, выпрягъ Чалку и опасно оглядѣлся по сторонамъ—не смотритъ ли кто?—но въ праздникъ за деревней никого не было.

— Эхъ, старость!—со вздохомъ сказала дѣдъ, взявъ Чалку за хвостъ и гриву и вытащилъ на сухое мѣсто, потомъ опять оглянулся по сторонамъ, всталъ на Чалкино мѣсто въ оглобли и вывезъ возъ, послѣ чего опять впрягъ Чалку и поѣхалъ дальше.

— Вы смотрите, мошенники, не болтайте!—сказалъ онъ дѣтямъ и погрозилъ имъ кнутовищемъ:—запорю!.

И хотя они знали, что дѣдъ говоритъ это «только такъ»—однако, никому дома о приключеніи съ Чалкой не рассказали.

На покосъ отправлялись въ степь верстъ за 30 отъ деревни и жили въ степи всю недѣлю, возвращаясь домой только на воскресенье. Среди зеленого океана травы устраивали большой шатеръ, называвшійся «станомъ», разстлали

въ немъ кошмы и прятали съѣстные припасы. Запасались боченкомъ студеной ключевой воды, отбивали молоточками косы, точили ихъ длиннымъ брускомъ и принимались за работу.

Въ первой коси шель дѣдъ Матвѣй, за нимъ едва поспѣвалъ Яфимъ, а маленькимъ давали отдѣльный участокъ учиться косить.

Сочная, густая трава ложилась прямыми рядами и быстро сохла подъ палящими лучами солнца. Всѣ мускулы тѣла страшно напрягались въ этой тяжелой и увлекательной работѣ. Длинный лѣтний день раздѣлялся на четыре «уповада»: отъ восхода солнца до закуски, отъ закуски до завтрака, отъ завтрака до обѣда и отъ обѣда до ужина, когда солнце уходило за край земли. Отдыхали только послѣ обѣда. Страшно-усталые, засыпали моментально, гдѣ попало: подъ телѣгой, подъ тѣнью травяной копны, подъ кустомъ. Спали, какъ убитые, и казалось, что только заснули, какъ уже раздавался суровый голосъ дѣда, призывавшій на работу.

Къ полудню уже высыхало скошенное сѣно, и ребята сгребали его граблями въ маленькія копны.

На закатѣ солнца всѣ возвращались къ «стану» съ косами и граблями на плечахъ. Разводили костеръ и кипятили въ котлѣ «кашицу». Такіе-же костры зажигались кругомъ по всей степи. Вечерняя заря потухала медленно и въ глубокомъ небѣ шевелились мерцающія звѣзды. Утомленная степь чутко дремала, и въ тишинѣ степного вечера далеко былъ слышенъ каждый звукъ: чей-то далекій разговоръ, серебристое ржаніе коня, чья-то печальная, протяжная пѣсня, а послѣ ужина, когда всѣ косцы начинали отбивать молоточками косы—казалось, что надъ всю степью натянулись отъ одного края земли до другого исполнскія струны, и кто-то огромный играетъ на нихъ гулками аккордами торжественную пѣснь.

Но мало-по-малу струны затихали, гасли костры, и все засыпало въ степи, только мириады комаровъ тонкимъ звономъ наполняли дремотный воздухъ.

Быстро пролетала короткая лѣтняя ночь, и пышно всходило надъ отдохнувшей степью могучее свѣтило.

Степь, покрытая утренней росой, вся была въ серебрѣ и алмазахъ.

Прозрачный голубоватый туманъ поднимался надъ изумрудной степной ширью, и высоко въ небѣ пѣлъ свою утреннюю пѣсню невидимый жаворонокъ. Снова начинался тяжелый трудовой день.

Такъ проходили недѣля за недѣлей. Едва кончался сѣнокосъ, какъ поспѣвало жнитво, а потомъ и молотѣба. Степь оставляли только въ августѣ, когда возвращались домой на тяжелыхъ возахъ зернового хлѣба.

Хорошо было лежать на возу, отъ котораго пахло пшеницей и дегтемъ, а потомъ сыпать золотистыя зерна въ сусѣки амбара.

Незамѣтно подходила осень, лошадей отправляли въ «ночное» на лѣсныя поляны, и ребята проводили ночи въ лѣсу, у горящаго костра. Послѣ первыхъ морозовъ начинались свадьбы, и опять было весело на свадебныхъ сговорахъ, рукобитьяхъ и дѣвишникахъ.

Такъ шла эта правильная, устойчивая жизнь, вѣками сложившаяся подъ властью земли и природы.

Продолженіе въ слѣдующемъ №.

Скиталецъ (С. Г. Петровъ).

ПЕТРУШКА.

* * *
Вот кричитъ среди двора,
Поднялъ колотушку,
Окружила дѣтвора
Драчуна Петрушку.

Шапка на бокъ, длинный носъ,
Руки—закорюки,
Дѣтскій шутъ смѣшитъ до
слезъ,
Отпускаетъ штуки.

То колотить мужика,
То городского,
То отпляшетъ трепака
И за драку снова.

То онъ свѣсится впередь
И гнусавитъ пѣсни,
То вдругъ навзничъ, и умереть,
И сейчасъ воскреснетъ.

Такъ и сякъ. Туда, сюда,
Словно угорѣлый.
Небо, солнце, провода,
Стѣны ярко бѣлы.

Тамъ цвѣточныя горшки,
Чей-то свѣтлый локонъ,
И въ бумажкахъ мѣдяки
Падаютъ изъ оконъ.

А. Рославлевъ.

Сверчокъ.

Разсказъ I. I. Ясинскаго-Бѣлинскаго.

В печкой жилъ Сверчокъ со Сверчихой и Сверчатами.

У Сверчковъ были пестрые крылышки и большіе глаза.

Въ заднихъ лапкахъ старый Сверчокъ, обыкновенно, держалъ скрипку.

Сверчки разсаживались на карнизъ, откуда можно было видѣть, какъ у зажженной лампы горбится Бабушка въ очкахъ и вяжетъ чулки, а Внучка читаетъ сказки Пушкина.

Картины были въ тѣни, и самъ Сверчокъ со своей семьей виденъ не былъ.

Онъ никогда не лѣзъ впередъ, онъ былъ скромный Сверчокъ.

Уже много лѣтъ жилъ онъ на свѣтѣ и слылъ первымъ музыкантомъ во всемъ пригородѣ. Жена его пѣла, а у обоихъ сыновей, которые были уже порядочными Сверчками, былъ наследственный талантъ: они играли—одинъ на флейтѣ, другой на кларнетѣ.

Музыкальная семья эта нравилась маленькой Зинѣ, и она до тѣхъ поръ сбивалась, сидя надъ книжкой и поглядывая въ темный уголокъ, гдѣ жили Сверчки, пока они не начинали концерта. Она читала тихо, игралъ тихо и оркестръ, повышала голосъ Зина, громче становился оркестръ.

Положительно, было трогательно слушать, какъ Сверчки аккомпанировали Зинѣ, и Бабушка часто поправляла очки и улыбалась, и ей казалось, что это

тѣ самые Сверчки, которые пѣли еще, когда она была такой же маленькой, какъ Зина, и тоже читала вслухъ сказку о томъ, какъ пѣтушокъ клюнулъ въ лобъ царя Додона.

Сверчки были безкорыстны. Они не получали жалованья за свой даръ Божій и, не будучи тщеславны и славолюбивы, не ожидали торжественныхъ случаевъ и большого стеченія публики, а играли только для Бабушки и для Внучки.

Когда закрывалась книга со стихами Пушкина, Сверчки еще нѣкоторое время продолжали играть.

Но Бабушка зѣвала и крестила ротъ, а Зина вскакивала и бѣжала къ нянѣ, та приносила самоваръ, баранки, кипяченое молоко и сотовый медъ, который считался любимымъ бабушкинымъ лакомствомъ; хотя еще неизвѣстно, кто больше любилъ медъ—Бабушка или Зина.

Замолкали Сверчки и съ любопытствомъ смотрѣли на чайный столъ. У нихъ были удивительные глаза. Они могли видѣть каждую крупинку на столѣ и подъ столомъ.

Такая дальнорукость не мѣшала имъ быть идеалистами. Они издали любовались сахаромъ и медомъ, и, когда Зина роняла каплю сладкаго сиропа на скатерть, у нихъ текли слюнки, но ихъ сдержанности могли бы позавидовать самыя благонаравныя дѣти. Они не вспрыгивали на столъ, а только расправляли лапки и вытягивали впередъ усики. Умѣли терпѣть.

Послѣ чая Бабушка раскладывала пасьянсъ, а Зина приносила изъ комода двухъ крошечныхъ барышень—одну въ льняныхъ, другую въ черныхъ волосахъ, и начинала съ ними разговаривать:

— Нравится вамъ погода?

— Охъ, не говорите, Зинаида Александровна:—погода несносна, какъ и все въ Петербургѣ.

— Будто бы! А я не замѣтила... Я каталась въ своей золотой каретѣ съ хрустальными дверцами... была я въ бальномъ туалетѣ... погода показалась очаровательной. На Стрѣлкѣ масса, масса народа!

— Зачѣмъ вы говорите «масса»? Развѣ не слышали, какъ вчера вашъ дядя осуждалъ это негодное слово... Масса народа значитъ спрессованъ народъ, какъ сѣно... И нельзя сказать «масса книгъ»... все равно, что книжная масса. У Пушкина не найдете ни одного подобнаго слова.

— А развѣ хорошо говорить: «бабушка ляжетъ обязательно въ одиннадцать часовъ».

— А какъ же?

— «Непремѣнно, а не обязательно». Но не можете ли подѣлиться со мною, гдѣ вы покупали такой очаровательный гипюръ?

— Я купила пару аршинъ въ Гостиномъ дворѣ.

— Тоже неправильно!

— Ну, конечно—и не по-русски. Вотъ уже прошла «пара минутъ», какъ мы съ вами ведемъ серьезный разговоръ... Какъ смѣшно: «пара аршинъ», «пара минутъ»—не правда-ли? «Пара» человекъ!

— А какъ поживаютъ Сверчки?

— Благодарствуйте, они прекрасно поживаютъ, чего и вамъ желаютъ отъ всей души. Бабушка думаетъ, что они ровесники ей. Не скрою отъ васъ, что

изъ всѣхъ домашнихъ насѣкомыхъ они самая симпатичныя. Слышите! Въ отвѣтъ они что-то проверещали.

— Когда же наука подвинется настолько, что можно будетъ понимать языкъ Сверчковъ?

— Это дѣло не науки, а поэзіи. И если хорошенько изучить Пушкина и другихъ поэтовъ, то можно начать понимать разговоры пчель, сверчковъ и даже травъ, и разговоръ часовъ!—вскричала Зина, потому что часы какъ разъ стали бить одиннадцать.

— Собери-ка свои куклы,—строго сказала бабушка:—и пойдемъ спать... Няня, помогите умыться Зинѣ на ночь.

Сверчки со своего карниза проводили долгими взглядами бабушку и Зину. Уходя, бабушка потушила лампу. Сверчки видѣли, какъ въ лампѣ много разъ вздрогнуло голубое пламя; и вмѣстѣ съ нимъ вздрагивала ночь въ комнатѣ, какъ огромная крылатая тѣнь. Наконецъ, пламя умерло отъ холода.

Прижались другъ къ другу Сверчки, стали тереться усиками и разговаривать между собою.

— Папаша,—сказалъ флейтистъ:—на полу, тамъ, гдѣ сидѣла Зина, лежитъ нѣсколько великолѣпныхъ бѣлыхъ крошекъ.

— На скатерти осталось гораздо больше,—сказалъ кларнетистъ.

— Отецъ вашъ старъ, и сыновьямъ слѣдовало бы кормить его... Разумѣется, вы подѣлитесь съ отцомъ. Въ прошлую ночь онъ свихнулъ себѣ лѣвую заднюю ногу, когда прыгнулъ съ печки прямо на полъ съ живостью молодого сверчка, чтобъ схватить и притащить мнѣ лепестокъ розы.

— Мы охотно исполнимъ нашъ сыновній долгъ,—отвѣчали юные Сверчки:—и принесемъ папашѣ по одной крошкѣ. Въ старости нельзя много ѣсть, мамаша.

— Совершенно вѣрно, дѣти мои, и поэтому обо мнѣ прошу не заботиться,—насмѣшливо-ласково проронила она.

Она прыгнула съ карниза на каплю меда, набрала его полная роговая челюсти свои, и, вернувшись, напоила больного мужа.

У него сейчасъ же выздоровѣла нога, и онъ сыгралъ на скрипкѣ одну изъ лучшихъ своихъ симфоній, въ которой была воспѣта доброта его жены.

А сыновья увлеклись крошками и вернулись домой только къ утру съ пустыми лапками.

Сладко дремалъ уже старый Сверчокъ, и ему снились тѣ вечера, когда еще Бабушка была такая же маленькая, какъ Зина, и тоже вслухъ читала сказки Пушкина. И еще онъ съ гордостью вспоминалъ, что самого Пушкина тогда называли Сверчкомъ.

Очень мало осталось въ Петербургѣ такихъ домовъ, гдѣ бабушки вяжутъ чулки, внучки читаютъ Пушкина, а сверчки играютъ и поютъ, какъ въ старое доброе время.

Гер. Ясинскій-Бялинскій.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Разсказъ А. И. Куприна.

(Посвящается клоуну Жакомино).

арьей Ивановной называлась обезьяна изъ породы павіановъ.

Подарили мнѣ ее мои друзья, зная, что я очень люблю животныхъ, но, конечно, подарили съ тайнымъ коварнымъ расчетомъ,—чтобы отъ нея избавиться. Лѣтомъ, на дачѣ, привязанная на цѣпи, она, должно быть, была еще кое-какъ выносима. Но представьте себѣ эту обезьяну зимой, въ квартирѣ!.. (А на улицѣ нельзя было бы оставить, потому что сейчасъ же начнется кашель, чахотка, наступитъ смерть)... Въ квартирѣ, да еще въ квартирѣ хорошо устроенной... Впрочемъ, я попробую пожаловаться поподробнѣ.

Минувя неопрятность этихъ мылыхъ животныхъ, можно съ увѣренностью сказать, что они не оставляютъ никакого предмета, находящагося въ полѣ ихъ зрѣнія, въ покоѣ. Тутъ не поможетъ ни цѣпь, ни моральное внушеніе. Если Маріи Ивановнѣ не удастся дотянуться до предмета ея желаній передними лапами, то она изо всѣхъ силъ натягиваетъ цѣпь, пятится задомъ и задними ногами притягиваетъ его къ себѣ. А потомъ (какъ говорятъ романисты), съ быстротою молніи, распарываетъ обивку кресла или дивана, или матраца и съ неуловимой быстротой выбрасываетъ наружу все ихъ внутреннее содержимое. Волосы, тырса, стружки, куски матеріи и шерсть такъ и летятъ на полъ.

Кромѣ того, надо сказать, что всѣ обезьяны по своей натурѣ пьяницы, обжоры, лакомки, суетливы, любопытны и своей жизнью готовы наполнить не то, что цѣлый домъ, но даже нѣсколько кварталовъ въ городѣ.

Такъ мнѣ однажды разсказывали объ одной обезьянкѣ-мартышкѣ, Яшкѣ, которая жила у какого-то чиновника. Однажды она вышла черезъ форточку, на карнизъ на высотѣ шестого этажа—пробѣжала весь карнизъ, взобралась

на брандауеръ, съ брандауера вскочила на крышу, а съ крыши спустилась по восточной трубѣ (это было весною) на другой карнизъ. Тутъ она нашла открытое окно и вскочила въ него. Въ маленькой комнаткѣ сидѣла семидесятилѣтняя чиновница и пила кофе съ толенымъ молокомъ и съ вишневою настойкой—что можетъ быть для престарѣлой вдовы, живущей на скромную пенсію, слаще этого на свѣтѣ? И вотъ, мартышка, презирая всякія свѣтскія приличія, вывала изъ рукъ почтенной старушки чашку, выпила все ея содержимое, разбила чашку объ полъ, потомъ выпила весь драгоценнѣйшій графинъ настоекъ и, говорятъ, покушалась поискать насѣкомыхъ въ волосахъ у дамы. Обезумѣвшая отъ ужаса, вдовая чиновница схватила въ руки грязную половую швабру и начала тыкать ею въ морду обезьяны. Но та, съ необыкновеннымъ проворствомъ, выхватила ее изъ рукъ и, перевернувъ широкимъ концомъ къ старушкѣ, загнала ее въ уголъ, гдѣ старуха и упала въ глубокомъ обморокѣ. Яшка, между тѣмъ, увидѣвъ, что онъ надѣлалъ много бѣды, и сообразивъ, что семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ, на скорую руку надѣлалъ еще нѣсколько шалостей. Залѣзъ въ шкафъ, растерзалъ нѣсколько платевъ, вытащилъ изъ шкатулки свѣжіей цибикъ чаю и разсыпалъ его по полу, укралъ и положилъ себѣ за щеку про запасъ нѣсколько кусковъ сахара и такимъ же путемъ, какимъ забрался въ квартиру почтенной женщины, вернулся къ себѣ домой. А когда вернулся домой его хозяйинъ, Яшка сидѣлъ на диванѣ и съ самымъ дѣтскимъ видомъ, съ невинными глазами, разрывалъ на мелкіе куски именно то прошеніе на имя министра, которое такъ каллиграфически переписывалъ разъ двадцать чиновникъ. Послѣ этого случая, грозившаго моему чиновнику многими неприятностями, Яшка былъ проданъ въ зоологической садъ.

Однако, я отвлекся отъ темы. Возвращаюсь къ Марьѣ Ивановнѣ.

У Марьи Ивановны былъ и еще одинъ недостатокъ: она терпѣть не могла женщинъ, то есть, вѣрнѣе сказать, не женщинъ, а всѣхъ, кто былъ въ длинной одеждѣ. Почему было у нея этотъ капризъ, я не знаю навѣрное, но подозреваю, что когда-то, когда она была матерью, какая-нибудь женщина жестоко и безразсудно отняла отъ нея дитенка и унесла его. Съ тѣхъ поръ, предпологаю я, она возненавидѣла всѣхъ женщинъ.

Надо сказать, что ко мнѣ и къ моимъ гостямъ, мужчинамъ, она относилась съ замѣчательною привѣтливостью. Садилась на колѣни, терлась мордочкой о лицо, гладила по щекамъ своей жесткой холодной морщинистой лапкой, съ синими ногтями. Въ домѣ у насъ всѣ ее любили и внимательно ухаживали за ней. Больше всего ей нравились бананы, орѣхи, яблоки, арбузы и, вообще, зелень. Все это доставлялось ей въ такомъ огромномъ количествѣ, которое влекло за собою совсѣмъ неприятыя послѣдствія. Но когда настали холода, и пришлось ее перевести въ комнату, тогда намъ всѣмъ житья не стало отъ нея. Она ободрала всѣ обои вокругъ себя, разбила стекла, перебила посуду, опрокинула верхній этажъ буфета, разломала на кусочки вѣнскій стулъ и поломала и перегрызла всѣ дѣтскія игрушки.

Правда, у насъ было для нея маленькое утѣшеніе,—крошечный пришедшій неизвѣстно откуда заблудившійся щенокъ. Она приняла его съ явнымъ удовольствіемъ въ материнскія объятія и постоянно, сила, держала его между передними лапками. Но тутъ образовалась новая опасность. Если кто-нибудь подходилъ къ ней во время изліянія ея материнскихъ чувствъ, то она рычала, грозно кашляла и кусалась, какъ настоящая мать, которая отстаиваетъ своего

ребенка. Словомъ, въ концѣ концовъ, мнѣ пришлось сдѣлать то же самое, что сдѣлали люди, которые подарили мнѣ это животное. Я подарилъ Марью Ивановну моему доброму знакомому, клоуну, который съ удовольствіемъ взялъ ее. Черезъ мѣсяцъ этотъ цирковый артистъ говорилъ мнѣ:

— Сеньоро Алессандро! Comme я вамъ благодаренъ! Прелестный обезьянъ. Упо росо капризный, но какъ мы работаемъ! Приходите циркъ: завтра я сдѣлалъ репетицію, поглядите, какъ онъ одинъ разъ работалъ! А вечеромъ пускалъ на манежъ, на публика...

Я пришелъ поглядѣть на Марью Ивановну. Шталмейстеръ Николаевъ принесъ ее къ намъ въ уборную. Она меня узнала, по привычкѣ, потерлась о меня мордочкой и положила мнѣ на руку свою холодную лапку, словомъ—видимо, мнѣ обрадовалась. На манежѣ клоунъ и обезьяна работали прекрасно. Онъ дѣлалъ курбетъ, и она повторяла его тотчасъ же. Онъ дѣлалъ прямое сальтомортале, и она—прямое, онъ обратное, и она—обратное. Кстати, клоунъ выдумалъ новый трюкъ: дѣлая сальтомортале, попадать головой въ шапку, лежащую на полу, и вставать, вмѣстѣ съ нею, на ноги. Обезьяна продѣлала то же самое, но, надо сказать,—да проститъ мнѣ мой другъ,—съ гораздо большей ловкостью, чѣмъ клоунъ. Послѣ репетиціи, когда Марья Ивановна получила своей очередной бананъ и потянулась ко мнѣ съ нѣжностью, мой другъ сказалъ мнѣ:

— Prego, сеньоръ Алессандро, прошу не ласкалъ обезьянъ: онъ долженъ привыкать къ одинъ рука.

Черезъ два дня былъ назначенъ его выходъ вмѣстѣ съ «замѣчательной обезьяной, которая никогда не поддается дрессировкѣ, выписанной изъ тропическихкихъ странъ Южной Африки и Америки»... Впрочемъ, вы сами знаете такіе объявленія. Для этого случая я привезъ въ ложу жену и дѣтей. Мы видали балансирующихъ на канатѣ медвѣдей, людей съ несгораемымъ желудкомъ, великолѣпныя упражненія на турникахъ и т. д. Вотъ, наконецъ, наступаетъ номеръ съ обезьяной. Клоунъ въ ударѣ. Онъ смѣшитъ публику. Обезьяна все время на-чеку. Наконецъ, ее выпускаютъ.

— Алlez! Перевернись!

Обезьяна покорно переворачивается.

— Ну, давай немножко прыгать. А? Господинъ капель-клейстеръ, дѣлайте намъ одинъ маршь. Гопъ!

Оба дѣлаютъ сальтомортале чрезвычайно чисто.

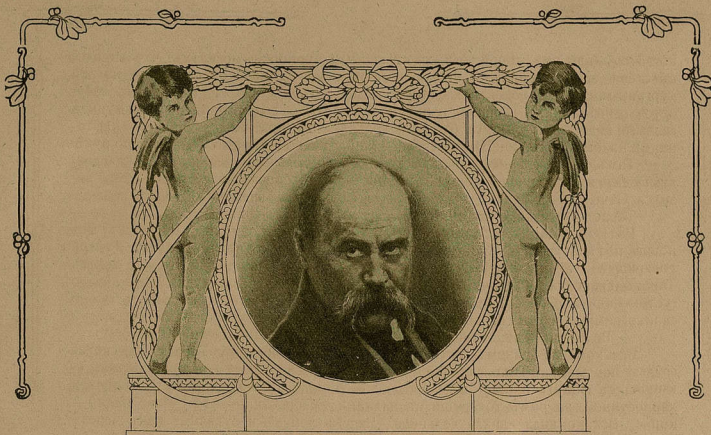
— Курбетъ!

Курбетъ исполняется еще чище, и обезьяна и клоунъ какъ-будто подражаютъ другъ другу: Но въ это время проходитъ вдоль барьера дама въ мачиновомъ платьѣ, отдѣланномъ мѣхомъ шиншилла, и вотъ, Марья Ивановна, не слушаясь окриковъ, не обращая вниманія на шамбарьеръ (длинный хлыстъ), кидается черезъ манежъ и буквально разрываетъ всю узкую модную юбку дамы, кусаетъ ее и только послѣ этого, ударами бича загнанная въ конюшню, успокаивается въ клѣткѣ. Впрочемъ, еще довольно долго она сердито ворчитъ и покряхтываетъ.

Моего друга приговорили за характеръ обезьяны къ четыремъ суткамъ ареста на Казачьемъ плацу и, кстати, къ возмѣщенію убытковъ за разорванное платье. На-дняхъ мой другъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ съ горечью:

— Простите, сеньоръ Алессандро, я вашъ Марья Ивановна продалъ на Зоологической садъ...

А. Курпиринъ.

Юные годы Тараса.

Биографический рассказ Н. Д. Носова.

I.

Добрый хлопец был сын колесника, Тарасъ Шевченко! Въ Кирилловкѣ, какъ прозвалась деревня, гдѣ жилъ Тарасъ, его всѣ хорошо знали—и старые и малые. Это онъ на стѣнѣ, только что выбѣленной хаты, намалевалъ углемъ такихъ пѣтуховъ, диковинныхъ звѣрей и разной нечисти съ рогами, что проходившая мимо сосѣдка, увидя ихъ, только плюнула и перекрестилась, а мачеха надрала Тарасу вихры; она выбѣдила снова стѣны хаты и пригрозила пожаловаться отцу, бывшему въ отлучкѣ.

Это, никто другой, какъ Тарасъ, однажды, ушелъ изъ дома, да и пропалъ безъ вѣсти. Вся деревня его искала, да такъ его и не нашли; рѣшили, случилось что недоброе. Это онъ былъ такой мастеръ дѣлать дудки и свистульки изъ бузины, подражать крику птицъ и звѣрей.

Его не то что всѣ знали въ Кирилловкѣ, каждая собака, даже каждая глупая овца знала его и шла на его зовъ.

— Ничего изъ него не выидеть, развѣ что свиные пасти будетъ,—говорила мачеха.

А на деревенской улицѣ чуть появится Тарасъ—сейчасъ и пойдетъ дымъ коромысломъ; хотя Тарасъ былъ самъ собою невеликъ, бѣгалъ босикомъ, безъ шапки, въ драной рубахѣ, а онъ первый затѣйщикъ и коноводъ всему. Тамъ, гдѣ онъ только покажется, сейчасъ около него соберется куча; безъ него игры не вяжутся, а съ нимъ и конца не предвидится потѣхъ! Его то никакъ зазвать домой, въ хату, не могли, то цѣлыми днями онъ самъ не показывался къ товарищамъ на улицу: сидитъ съ дѣдомъ и въ ротъ ему глядитъ: дѣдовскихъ рассказовъ не можеть вдоволь наслушаться. Дѣдъ шамкаетъ беззубымъ ртомъ и говоритъ тихо, или вдругъ затянеть старческимъ голосомъ пѣсню. Тогда Тарасъ забываетъ все: и улицу, и проказы, и товарищей.

А потомъ собереть ребятъ въ кружокъ, пригорюнятся, словно дѣдъ, и начнеть сказывать о лихихъ атаманахъ, о подвигахъ вольницы, которая

когда-то жила по Днѣпру, о тѣхъ страшныхъ курганахъ-могилахъ, что высятся въ степи за Кирилловкой. Ребята издали даже съ опаской смотрѣли на эти курганы-могилы, а подойти къ нимъ боялись; Тарасу же и горя мало: взберется одинъ на ихъ вершину и затаянетъ старую дѣдовскую пѣсно; зажмуритъ глаза и выдятся ему ватаги (отряды) вольницы въ красныхъ жупанахъ (кафтанахъ) на быстрыхъ коняхъ. Впереди лихой атаманъ ѣдетъ съ саблей въ рукѣ.

Тамъ, гдѣ мельницы вѣютъ огромными крыльями, звонко разсѣкая воздухъ, ему чудятся неприятельскія крѣпости; въ сторонѣ, за оврагомъ, ему видится Сѣчь Запорожская, гдѣ жила весело въ далекія времена казачья вольница.

Тарасъ самъ лихой атаманъ; у него есть своя вольница...

Выглянулъ онъ на улицу, свистнулъ въ дудку, заигралъ на рожкѣ и— пошла потѣха: десятокъ босыхъ ногъ уже бѣжитъ къ нему. Собралъ Тарасъ товарищей и айда: черезъ лужи и грязь, черезъ плетни и заборы уже ведетъ Тарасъ свою босякую команду на крутой склонъ оврага, туда, гдѣ высокою густою стѣною разросся крѣпкоствольный бурьянъ, гдѣ лопухъ выставилъ важно свои огромные листья, словно зонтики, гдѣ всегда тихо и пустынно.

— Вотъ они гдѣ затаились,—говоритъ Тарасъ шопотомъ.

Вся команда разомъ останавливается и, по примѣру Тараса, бросается грудью на землю. Тихо, медленно, осторожно сползаютъ съ края обрыва и, вдругъ, съ гикомъ и крикомъ, бросаются внизъ. Впереди Тарасъ съ корявой хворостиной, за нимъ товарищи съ палками. Хворостина—это сабля; палки—копья. Вся команда—лихая вольница. Черезъ лопухъ и бурьянъ, какъ черезъ тѣсный строй враговъ, пробираются малыши домой въ свою родную Сѣчь Запорожскую; она на самомъ днѣ оврага. Путь не изъ легкихъ. Стойко и крѣпко стоитъ лопухъ. Репейникъ больно колетъ и ноги и руки; крапива жжетъ. Но такія ли были препятствія у вольницы! Атаманъ не робѣетъ. На его лицѣ уклады репейника, руки обожжены крапивой, но онъ храбро прокладываетъ себѣ путь впереди всѣхъ.

II.

Полегли рядами и лопухъ, и репейникъ, и крапива подъ ударами палокъ Тараса съ товарищами. Протопталась дорожка на самое дно оврага, гдѣ сиѣютъ и желтѣютъ цвѣты, гдѣ сумрачно и безлюдно.

Утомились храбрцы; выбился изъ силъ самъ атаманъ—запрокинулъ онъ на спину и уже занятъ новой работой: глядитъ, какъ по небу бѣгутъ облака и взмываетъ все ниже и ниже дикій коршунъ, высматривая добычу. Повернулся на бокъ Тарасъ и засмотрѣлся туда, гдѣ небо слилось съ землей синей далекой полосой. Тамъ,—думается Тарасу,—и конецъ свѣту, такъ говорилъ ему старый дѣдъ.

— А что, братцы, ежели бы все идти, да идти, вотъ бы славно было: на край свѣта пришли бы!—сказалъ задумчиво Тарасъ.

— Безпремѣнно такъ,—отвѣтилъ одинъ изъ товарищей.

— А ты-бъ пошелъ?

— Тятка съ мамкой не пускатъ!—отвѣтилъ тотъ, теребя рубаху.

Но Тарасъ не слушаетъ уже никого; онъ говоритъ, указывая въ даль, гдѣ земля и небо сошлись:

— Еще не дойдешь до края свѣта, какъ увидишь диковинные столбы; всѣ они изъ желѣза сдѣланы, чтобы небо на землю не свалилось... а за этими столбами край свѣта начнется и море шумить: у... у... у!

— А атаманы ходили туда?

— Да еще какъ ходили! Гдѣ они не были, атаманы-то!—вздохнулъ Тарасъ.—Въ туретчину ходили, за самый край свѣта!—сказалъ онъ и замолкъ.

Самъ Тарасъ давно задумалъ идти искать конецъ свѣта, посмотрѣть на диковинные столбы, подпирающіе небо; одна была бѣда: товарищей ему не находилось. Дальше оврага «смѣльчаки», воевавшіе съ бурьяномъ, идти отказывались. Повелъ было ихъ разъ Тарасъ, да двое схоронились въ оврагѣ и дальше не пошли; двое, какъ вышли за деревню, бросились наутекъ, поднявъ руба-

шонки, и у остальных храбрецов душа в пятки ушла, как только скрылись из вида крыши деревни. Одинъ Тарасъ не потерялся; шель онъ по степи, пока голодъ не измучилъ, жара не притомила. Подъ одинокимъ дубомъ, стоявшимъ на пригоркѣ, онъ заснулъ и проснулся отъ холода.

Ночь стояла, когда онъ проснулся; тихо было; кругомъ ни души; ни лая собакъ, ни блеянья овецъ, ни мычанья коровъ—ничего не слышно. Жиле было далеко. Одинъ курганы-могилы стояли въ степи и даже Тарасу теперь показались и холодно, и страшно. Онъ собрался съ силами и побѣжалъ наутекъ по дорожкѣ, которую проложилъ свѣтъ луны. Онъ бѣжалъ, а за нимъ бѣжала его тѣнь и пугала его. Долго бѣжалъ онъ такъ, пока не усталъ. На ногахъ былъ грузъ, точно пудовыя гири къ нимъ привѣсили, а въ животѣ пусто и холодно. Тарасъ повалился на траву и заплакалъ горько. Ему хотѣлось назадъ въ свою Кирилловку, но ея ниоткуда не было видно. Тарасъ заблудился. Только уже на разсвѣтѣ услышалъ онъ вдали скрипъ колесъ и насторожился. Въмѣсто желѣзныхъ столбовъ, подпирающихъ небо, онъ увидѣлъ тѣлгу и обрадовался. То были знакомые возчики грузовъ—чумаки.

Лишь подъ утро чумаки довели Тараса до Кирилловки, и онъ явился домой, въ свою хату. Старшая сестра Катря всѣ глаза проглядыла, въ поискахъ Тараса: всю ночь не спала. А Тарасъ все допытывался и у сестры и у дѣда: есть ли на самомъ дѣлѣ тѣ диковинные столбы, подпирающіе небо, и гдѣ они?

— Далече, далече, на самомъ концѣ свѣта!—говорилъ, качая головой, старый дѣдъ.

— Отсюда рукой не подать: не близенько!—отвѣчала въ раздумьи старшая сестра.

А мачеха только дала подзатыльникъ Тарасу и сказала:

— Вотъ ужъ отецъ тебѣ задастъ встряску: будешь ты тутъ подъ ногами болтаться!

Она не влюбила Тараса за то, что онъ былъ боекъ и проворенъ и смысленъ, и за то, что онъ со Степанкомъ не ладилъ, а Степанокъ былъ родной сынъ и любимецъ мачехи. Изъ-за этого самаго Степанка Тарасъ снова убѣжалъ изъ дома и три дня пропадалъ.

Вся деревня поднялась на ноги и только сестра Катря, да самъ Тарасъ знали «Тарасову тайну»: гдѣ онъ спрятался.

III.

Тайна Тараса была скрыта надежно. Онъ захоронился на днѣ оврага, среди зарослей бурьяна. Тотъ самый лопухъ и репейникъ, которые онъ такъ безпощадно избивалъ раньше, оказались добрыми друзьями. Они пріютили бѣглеца. Цѣлый день провелъ Тарасъ въ оврагѣ. День вышелъ не потерянный. Когда въ сумерки пришла украдкой сестра Катря и принесла остатки ужина бѣглецу, Тарасъ пригласилъ сестру «въ свою хату»; хата была на славу: зеленый лопухъ мягко и нѣжно, какъ пуховая перина, служилъ постелью для Тараса. Высокіе зеленые его зонтики скрывали Тараса отъ глазъ людей и палящаго солнца. Изъ вѣтокъ калины онъ устроилъ жерди, убралъ ихъ лудкою, провелъ дорожку и усыпалъ ее пескомъ; изъ стволонъ бузины надѣлалъ лудокъ... Хорошо было въ «хатѣ Тараса», куда лучше, чѣмъ въ хатѣ у мачехи.

Тарасъ рѣшилъ никогда не покидать своего «дома»; лишь бы только Катря не измѣнила и приносила ему хлѣба. Въ свой родной домъ его не тянуло; при воспоминаніи о немъ у Тараса навертывались слезы, и онъ сжималъ кулаки, когда думалъ о Степанкѣ. Изъ-за него Тараса обозвали «воромъ» и обвинили, что онъ укралъ три злотыхъ (злотый равенъ былъ пятнадцать копѣйкамъ). Кто взялъ деньги, никто не зналъ, а мачеха обвинила въ кражѣ любимаго Тараса.

— Вотъ тебѣ крестъ святой—я не бралъ!—говорилъ, рыдая, Тарасъ сестрѣ Катрѣ.

И Катря вѣрила Тарасу:

— Воръ найдется, отыщется правда,—отвѣчала она.

Но вора такъ и не отыскали; за то Степанокъ отыскаль Тараса. Его накрыли въ оврагѣ и привели домой подь конвоемъ.

Отъ него потребовали, чтобы онъ показалъ, гдѣ зарылъ деньги.

Напрасно Тарасъ клялся, что онъ не видѣль этихъ денегъ, а мачеха и дядя кричали, чтобы онъ во всемъ повинился.

На другой день опять бранилась мачеха, грозился дядя Павелъ. На третій прѣхалъ отецъ, прикрикнувъ на мачеху, а Тараса взялъ за вихры, отвелъ въ темный чуланъ и заперъ дверь на замокъ.

Толко сестра Катря украдкой шептала:

— Не плачь, Тарасикъ, не рыдай, бѣдненькій.—И украдкой совала въ щель подь дверь ломоть хлѣба.

А Тарасъ горько плакаль не отъ наказанія, а оттого, что чувствовалъ себя кругомъ невиннымъ; глотая хлѣбъ, смоченный солью слезъ, онъ рѣшилъ, что уйдетъ изъ дома, далеко-далеко, «на край свѣта»; тамъ онъ отыщетъ добрыхъ людей, и они дадутъ ему жупанъ и высокую шапку и борзата коня. На конѣ скорѣе и легче, чѣмъ пѣшему, скакатъ, куда хочешь.

Тарасъ заснулъ на соломѣ въ чуланѣ, а во снѣ ему снились все красные жупаны и кони,—многое множество жупановъ и коней. Мышь скреблась въ углу, а Тарасу чудился топотъ конскихъ ногъ и видѣлась степь широкая. Онъ несся по степи на конѣ стрѣлой, такъ что духъ захватывало, а за нимъ неслись лихіе товарищи...

IV.

Вмѣсто краснаго жупана на Тараса надѣли дырявую свитку, дали краюху хлѣба и отправили въ степь пасти свиней.

Тарасъ сталъ свинопасомъ. Съ восходомъ солнца онъ гналъ туда свое стадо, съ закатомъ возвращался домой. На деревенской улицѣ стало тихо безъ Тараса; зато въ степи ему было раздолье, вольная волошка. Въ шалашѣ онъ укрывался отъ бури и дождя, отъ яркаго солнышка; собиралъ цвѣты и плель изъ нихъ вѣнки, свисталъ на дудкѣ или пѣлъ громко пѣсни. Никто его не слышалъ, кромѣ степи; онъ разводилъ костеръ и пекъ себѣ картошку, или взбирался на курганы и смотрѣль кругомъ. Далеко-далеко видно было съ высоты кургановъ, и хорошо было на душѣ Тараса. Онъ не былъ одинъ: два вѣрные друга, два лохматыхъ барбоса сторожили его сонъ, ласково смотрѣли ему въ глаза и, свернувшись въ клубокъ, лежали съ нимъ рядомъ. Такіе же мальченки-пастухи были неподалеку, и Тарасъ перекликался съ ними или рассказывалъ имъ чудные рассказы про степь безкрайную, про былые дни.

Но подошла холодная осень; первый зимній снѣгъ запушилъ степь. Въ хлѣвы загнали скотину.

Тарасъ остался не у дѣль. Отецъ, однако, приготовилъ Тарасу новое дѣло: велѣль учиться грамотѣ у захожаго учителя. Засѣль Тарасъ за букварь; твердилъ склады: «азъ, буки, вѣди, глаголь». Грамота далась ему легко, но самъ учитель умѣль съ грѣхомъ пополамъ читать по складамъ. Сначала прочтеть на-черно; потомъ уже на-бѣло. Такъ училъ онъ читать и Тараса и билъ его по губамъ ладонью всякій разъ, когда Тарасъ начиналъ «сыпать горохомъ»—начиналъ читать бойко. Тарасу не сидѣлось на мѣстѣ: и дома житья ему не было отъ мачехи; давно рѣшилъ онъ итти искать счастья, куда глаза глядятъ. Прослышалъ онъ, что въ далекомъ селѣ есть одинъ ученый дьякъ, а въ другомъ селѣ живутъ такіе ученые маляры, которые въ церквахъ стѣны расписываютъ. Къ нимъ и пошелъ Тарасъ.

Дьякъ продержалъ Тараса около года, но ничему не выучилъ, потому самъ былъ плохой грамотей, а ученые маляры отказались принять Тараса къ себѣ въ ученики. Зато какихъ дивныхъ вещей навизался Тарасъ у маляровъ! Ловко писали они и углемъ и краской: и всадниковъ на коняхъ, и пѣтуховъ, и диковинныхъ птицъ съ большущими крыльями, и звѣрей съ человѣческими лицами. Хозяинъ далъ ему кисть и краски и, смѣясь, велѣль срисовать съ рисунка. А Тарасъ и радъ-радехонекъ. Все лицо перепачкаль красками, всю

рубаху и руки испачкаль, понатужился и нарисоваль такого звѣря, что даже хозяинъ ажнуль:

— Э, да ты, хлопецъ, можеть, и станешь хорошимъ маляромъ, коли учиться будешь, а держать у себя я тебя все-таки не стану: ты, вѣдь, бѣглый: ни пачпорта у тебя, ни разрѣшенія нѣтъ!

Тарасъ былъ сынъ крѣпостного крестьянина, оттого и нужно было ему разрѣшеніе барина. Маляръ научилъ Тараса, что ему надо идти въ сосѣднее село, къ барскому управляющему, и тамъ выпросить себѣ паспортъ.

Отправился опять Тарасъ въ путь-дорогу. Долго колесилъ онъ, пока добрель до управляющаго.

Управляющій посмотрѣль на Тараса, спросилъ, чей онъ сынъ и откуда, и, узнавъ, что Тарасъ смыслить и въ грамотѣ, сказалъ:

— Во время ты потрафилъ. Значить, такъ на роду тебѣ написано: быть барскимъ казачкомъ!

Обрядили Тараса въ новый кафтанъ, дали новую рубаху и отправили въ городъ къ самому помѣщику. Смысленные, расторопные слуги нужны были барину, а управляющій съ трудомъ набираль по деревнямъ бойкихъ мальчиговъ. Тарасъ самъ себя опредѣлил въ казачки, пришелъ не въ добрый часъ онъ къ управляющему. Не учиться малярскому ремеслу, а сидѣть въ барской прихожей, подавать барину трубку и быть на побѣгушкахъ, а потомъ стать барскимъ лакеемъ—вотъ что ожидало Тараса. Съ этихъ поръ его больше не видѣли въ Кирилловкѣ и скоро вовсе забыли о немъ.

Отець его давно умеръ, умерла и сестра Катря и мачеха; сестры пови-ходили замужъ, а Степанокъ поставилъ себѣ новую хату: о Тарасѣ же ничего не было слышно; только сестра Ирина получила какъ-то вѣсточку отъ Тараса; плакала она послѣ долго и долго молилась, и опять плакала: лихая бѣда стрясласъ съ Тарасомъ...

V.

Прошло много лѣтъ.

Однажды у хаты, гдѣ жила Ирина, остановился возокъ. Высокій человекъ въ смушковой шапкѣ, съ длинными усами, въ которыхъ пробивалась уже сѣдина, выльзъ изъ возка и прошель въ хату. Въ хатѣ никого не было; только у крыльца сидѣла дѣвчурка и смотрѣла бойкими глазенками на пріѣзжаго. Онъ посмотрѣль на дѣвочку, улыбнулся ласково, подняль ее на плечи и, цѣлуя, говорилъ:

— Ты, вѣдь, дочурка Ирины сестры? Узналь, узналь!

Онъ цѣловаль ее и гладиль по лохматой головѣ и соваль конфеты, спрашивая:

— Гдѣ же мама-то, гдѣ?

Около возка собралась уже кучка народа, но никто не узналь Тараса. Не узнала и Ирина брата.

Въ огородъ, гдѣ она копала гряды, прошель Тарасъ и окликнулъ сестру. Она не слышала оклика и продолжала работать. Изумленно взглянула и лопата выпала изъ рукъ. Ирина всплеснула руками, кинулась къ брату, и оба отъ слезъ не могли сказать ни слова. А Тарасъ все уже разомъ примѣтилъ: и жалкую развалившуюся хату, и бѣдноту кругомъ.

— Крѣпись, сестра! Все будетъ хорошо. Не за горами и воля, и счастье!— сказалъ онъ.

А она смотрѣла на согнувшуюся фигуру брата, на его городской «панскій» нарядъ, на его сѣдину. Говорить она не могла и, какъ подкошенная, замерла, положивъ голову на плечо брата.

Вѣсть о пріѣздѣ Тараса скоро облетѣла всю деревню. Вся хата скоро наполнилась народомъ; приходили старые и малые глянуть на «воскресшаго» Тараса.

А онъ крѣпко запомнилъ имена и лица, только забыль о тяжеломъ прошломъ и даже обиняль Степанка, сказавъ:

— Кто прошлое помянет, тому глаз вонь.
Дѣтвора окружила Тараса, облѣпила его, какъ стая мухъ. Дочь Ирины забралась къ нему на колѣни; какой-то шустрый мальченокъ вскарабкался на плечи. «Дядька Тарась» всѣмъ пришелся по душъ.

— Глядитъ паномъ, а совсѣмъ какъ свой!—говорили о немъ кирилловцы. Сестра Ирина глазъ не спускала съ брата: все искала напомянать о давнемъ Тарасѣ. Отъ давняго Тараса только что и остались глаза каріе, да улыбка ласковая, добрая.

Прогостили Тарасъ съ недѣлю у сестры и всѣхъ обворожилъ; съ каждымъ знакомымъ умѣлъ онъ поговорить по душамъ, каждому сказать ласковое слово. А когда начиналъ пѣсни «спивать», то конца восторгамъ не было. И откуда только брались пѣсни у Тараса? Удивлялись кирилловцы; за его пѣсней забывалось все: и горе, и грусть, и тоска. Пѣсня Тарасова такъ и просилась въ самое сердце.

Общался Тарасъ сестрѣ, уѣзжая, вновь прѣхать на долгую побывку. Рѣшилъ онъ ставить свою хату на берегу любимаго Днѣпра, такъ, чтобы изъ окошекъ было видно и рѣку, и горы. Сестрѣ Иринѣ и ея дочери привезъ онъ дорогой гостинiecъ, но отдалъ его на прощанье: выкупилъ на волю сестру и племяннику Тарасъ Григорьевичъ у помѣщика, чтобы вольными, какъ онъ самъ, стали онѣ людьми. Что значить не имѣть ни воли, ни доли зналъ по себѣ Тарась...

VI.

Долго, спустя послѣ отъѣзда Тараса, рассказывала Ирина о братѣ, вспоминая, кѣмъ онъ былъ и кѣмъ сталъ. Но ни Ирина, ни кирилловцы не знали хорошенько сами, кѣмъ сталъ Тарасъ Григорьевичъ. Темные они были люди и не долетѣла еще до нихъ настоящая Тарасова слава: она была не въ «панскомъ нарядѣ», не въ деньгахъ. Имя Шевченка уже всѣ хорошо знали и въ Петербургѣ, гдѣ онъ жилъ, и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ, и въ Полтавѣ. Всюду тамъ встрѣчали его, какъ желаннаго дорогого гостя. Батькъ Тарасу всюду были почетъ, уваженіе и ласка, за то, что былъ онъ великій человекъ съ широкой душой и сердцемъ, за то, что щедро налѣпила его судьба великимъ даромъ пѣсень. Пѣсни Тараса, сложенные имъ въ Петербургѣ, залетѣли далеко-далеко, нашли всюду радушный пріютъ; ихъ распѣвала молодежь, выплывая въ лодкахъ на просторъ рѣки, пѣли ихъ и въ богатыхъ хоромъ, и въ бѣдныхъ домахъ. — Всюду онѣ были желанныя гости; ихъ пѣвали и по деревнямъ; и тамъ темные, простые люди знали ихъ, не вѣдая, что сложилъ ихъ Тарасъ Шевченко, бывшій крѣпостной человекъ изъ Кирилловки.

Маленькая книжечка вѣщихъ пѣсень Тараса обошла быстро всю Украину, стала дорогою всѣмъ грамотнымъ, потому что въ свои пѣсни Тарасъ вложилъ всю свою великую душу, всю широкую любовь къ родному краю. Онѣ — эти пѣсни — бодрили усталыхъ и измученныхъ отъ работы, онѣ несли съ собою утѣшеніе и радость, что скоро-скоро засіяетъ и надъ родной землей свѣтъ правды, и не будетъ на Украинѣ ни господъ, ни рабовъ, а весь какъ одинъ — вольный народъ.

Тѣ сказанья, что въ дѣтствѣ слышалъ Тарасъ отъ дѣда, онъ переложилъ въ звучную пѣсню; и рассказала она людямъ, какъ жили въ старину на Украинѣ; тогда, когда безъ края и конца тянулась кругомъ, отъ Днѣпра къ самому морю, одна раздольная степь. Добрые молодцы, лихіе удалцы въ ту пору толпами собирались на Украинѣ. Они поставили въ низовьяхъ Днѣпра «Сѣчь» или поселеніе. Въ Сѣчи всѣ были равны, — всѣ товарищи. Внизъ по Днѣпру къ самому морю ходили въ лодкахъ удалые молодцы въ гости къ крымскому хану и къ самому турецкому султану; собиралось въ походъ вольное войско запорожское, словно на праздникъ; но скоро пришлось имъ биться не съ турками и татарами, а съ самимъ Польскимъ королемъ. Польскіе короли захватили Украину и высылали войска противъ вольницы. Отозвался казакъ панъ Трясило: «Намъ Украины не спасти слезами! А пойдемъ-ка лучше, братцы, биться съ поляками!».

Много пало людей съ обѣихъ сторонъ и грустную пѣсню сложили объ этомъ кровавомъ времени украинскій поэтъ, Тарасъ Шевченко:

Вотъ что было на Украйнѣ,
Было хуже ада;
А за что, спросить бы, людямъ
Гибнуть было надо?

Даже страшно и подумать,
Сколько злобы скрыто
Въ сердцахъ братьевъ!

Пѣвецъ напоминалъ своимъ землякамъ, что пора кончить враждовать, что украинцы и поляки сыны одной матери; онъ желалъ, чтобы утихли раздоры между славянами, чтобы они жили дружно между собою, были бы вольными дѣтьми.

Хорошо зналъ по себѣ Тарасъ Григорьевичъ, что такое крѣпостная неволя, какъ тяжело живется людямъ, когда у нихъ связаны руки и ноги. Онъ, вѣдь, самъ долго былъ крѣпостнымъ. Онъ самъ долго не могъ проявить тотъ Божій даръ, которымъ щедро надѣлилъ его Богъ. Если-бы не добрые люди, то такъ бы и загасъ даръ Тараса, потому-что крѣпостному человѣку и негдѣ и не у кого было учиться. Добрые люди выкупили на волю Тараса; они разгадали его талантъ. Онъ сталъ настоящимъ художникомъ; но долго-долго таился въ немъ подъ спудомъ другой, еще лучшей даръ—талантъ великаго поэта. На чужбинѣ, въ Петербургѣ, получивъ волю, Тарасъ не забылъ своей родины, ея народа. Онъ сложилъ въ честь и славу родной Украины первую, не мудрую пѣсню.

VII.

Сама собой сложилась эта пѣсня изъ глубины тоскующаго сердца. За нею пришла другая, третья. Тарасъ долго тайлъ свои пѣсни ото всѣхъ, но друзья узнали и, противъ воли Тараса, напечатали маленькую книжечку его стиховъ. Эта маленькая книжечка, словно птица на крыльяхъ, разнеслась по Украйнѣ; она всѣмъ пришла по душѣ, потому что въ ней говорили то, что чувствовали, но не умѣли высказать люди. А самъ Тарасъ въ это время былъ уже далеко отъ родины: въ пескахъ пустыни, у Аральскаго моря одиноко короталъ онъ свои дни. За свои смѣлыя пѣсни, за свою вѣру въ лучшіе дни, за то, что звалъ людей къ волѣ, онъ самъ попалъ въ неволю.

Годы, десяткомъ лѣтъ, провелъ онъ далеко отъ родины; онъ жестоко пострадалъ за любовь къ ней, но не измѣнился.

Не напрасно говорилъ онъ сестрѣ Иринѣ, что скоро-скоро засяетъ счастье и воля. Уже былъ близокъ тотъ день, о которомъ мечтавъ Тарасъ всю жизнь. Этотъ день (19 февраля 1861 года) принесъ русскому крестьянину давно желанную волю.

Тарасъ Григорьевичъ дождался этого праздника и обрадовался ему такъ, какъ никогда не радовался въ жизни; сбылись его надежды, но у него самого уже не было ни силъ, ни здоровья. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой радости, онъ слегъ, пролежалъ недолго и отдалъ Богу душу. Такъ и не собрался Тарасъ Григорьевичъ снова навѣстить свою родину, поставить свою хату на берегу Днѣпра; такъ бездомнымъ бобылемъ ради другихъ и прожилъ онъ всю свою жизнь. Лишь его гробъ привезли въ Украину.

Подъ городомъ Каневомъ, недалеко отъ Кіева, тысячная толпа встрѣтила прибывшаго батьку Тараса. На рукахъ донесла украинская молодежь его до горы, усыпала всю могилу цвѣтами.

Пятьдесятъ лѣтъ ужъ прошло, какъ на высокой горѣ, надъ Днѣпромъ, спитъ подъ высокимъ крестомъ батька Тарасъ. Крестъ его виденъ далеко съ Днѣпра, а съ горы видна вся Украина. И всѣ теперь знаютъ, что почиваетъ подъ этимъ крестомъ, на горѣ—великій поэтъ Украины. Пѣсни его гуляютъ по всему міру. Ихъ знаютъ въ городахъ и селахъ и на школьной скамейкѣ учатся любить ихъ маленькіе школяры. Узнали о нихъ и въ родной Кирилловкѣ.

Вся русская земля сложила славу и хвалу бѣдному сыну колесника, ставшему однимъ изъ великихъ русскихъ людей.

Ник. Псковъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

1914 г.

вып. 2-й.

	Стр.
Зима. Стихотворение Ал. Липецкого	43
Кукла. Стихотворение Л. Кондратовича въ новомъ переводѣ П. В. Быкова	45
Пушокъ. Разсказъ В. В. Муйжеля	47
Милльонъ бойцовъ. Разсказъ А. Е. Зарина	58
Дѣль Матвѣй. Картины деревенской жизни. Соч. Скитальца (С. Г. Петрова)	62
Петрушка. Стихотворение Александра Рославлева	68
Сверчокъ. Разсказъ І. І. Ясинскаго (М. Бѣлинскаго)	69
Марья Ивановна. Разсказъ А. И. Куприна	72
Юные годы Тараса. Биографическій разсказъ Н. Д. Носкова	75

КАРТИНЫ: 1) Маленькій капельмейстеръ. 2) Пейзажъ, исполненный красками.
3) Пастушка. Автогипія съ картины Ноэ Бординьона.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Моя библіотечка. Художественная хрестоматія, выпускъ 2-й.

РЕБУСЪ.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

150=

ГОДЪ ЦѢННЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ.

1914 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ
на единственный въ Россіи двухнедельный
роскошный, художественно-литературный журналъ **9** годъ
изданія.
 съ галлерей картинъ въ краскахъ, по образцу лучшихъ заграничн. изданій.

Трoбужденіе

съ приложеніемъ рѣдкихъ книгъ и цѣнныхъ премій

Стильные цѣтныя орнаменты, рельефное тисненіе, великолепныя многокрасочныя рамкиншетины украсятъ въ 1914 году многія страницы „ПРОБУЖДЕНІЯ“, а увеличенное количество вѣнскихъ картинъ, на паспарту и отдѣльных альбомныхъ листахъ, подъ шелковой прозрачной бумажкой, дадутъ возможность подписавшимся имѣть богатую коллекцію репродуциръ съ оригиналовъ знаменитыхъ художниковъ, стоимость которыхъ въ продажѣ уже значительно превышаетъ подписную плату, взимаемую редакціей за рѣдкіе по изяществу журналъ съ приложеніемъ книгъ и художественныхъ премій, изъ которыхъ только одна стѣнная картина **Гейза (ВЕРУЮ, ГОСПОДИ)** продается въ художеств. магазинахъ по 20 руб. за экземпляръ.

Подписавшіеся на 1914 годъ получаютъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца)

24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА Художеств. Литературнаго и научнаго журнала по ОБРАЗЦУ УЧУЩИХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЗДАНІЙ, въ великолепныхъ обложкахъ.

70 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ: въ краскахъ, на паспарту, фототипій, автогитій, олеографій и друг.

10 ИЗЯЩНЫХЪ АЛЬМАНАХОВЪ-СБОРНИКОВЪ. Романы, повѣсти и разсказы извѣстныхъ современныхъ и выдающихся новѣйшихъ русскихъ писателей. Въ отдѣльной продажѣ будутъ продаваться по 1 руб. за экземпляръ.

3 книги собранія сочиненій **ШОПЕНГАУЭРА.** съ портретомъ автора.

3 книги собранія сочиненій **ВОЛЬТЕРА.** съ портретомъ автора.

3 Иллюстрир. книги К. Байе. **„ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ“.** Живопись, Скульптура, Архитектура.

3 книги проф. А. РАМБО. **ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗ. РЕВОЛЮЦІИ.** Съ картинами елкъ, парижскихъ музеевъ.

2 БОЛЬШИХЪ ТѢМЪ СМѢШИВЪ РАЗСКАЗОВЪ **ВЕСЕЛЫЯ СТРАНИЦЫ** Русскихъ и иностранныхъ писателей-юмористовъ съ юм. рисованными картинками и портретами

РОСКОШНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРЕМІИ:

Исполненной множествомъ красокъ **Альбомъ открытыхъ писемъ** извѣстнаго художника **Н. КАЗАЗИНА**. Цѣнный альбомъ, въ великолепной папкѣ, сброшюванный цвѣтной лентой.

Изначное настольное украшеніе **Альбомъ картинъ** геліографіею—фототинто. На паспарту, въ рельефной, исполненной красками и золотомъ папкѣ.

ДВА РОСКОШНЫХЪ ПАНО ДЛЯ ГОСТИНОЙ:
 1. ГИРЛЯНДЫ НАСТУРЦІЙ — 2. КРАСНЫЯ МАКИ
 англійскаго художника **Сиверса**, исполненныя **множествомъ красокъ.**

Художественное украшеніе кабинета, школы, читальни и библиотекъ. Небывалая премія: **В** **БРОНЗИРОВАННЫХЪ БАРЕЛЬЕФОВЪ:** Гоголя, Достоевскаго, Лермонтова, Некрасова, Пушкина, Толстого, Тургенева, Щедрина. Рельефное воспроизведеніе портретовъ на паспарту, превосходящее по изяществу какъ стѣнное украш., писовые и металлическіе барельефы.

Большая стѣнная картина въ краскахъ „**CREDO**“.
 Знаменитаго художника **Ф. ЗРИХА** **ВЪРУЮ, ГОСПОДИ!** Разнѣръ картины 60/80 с.
 Стоимость картины въ художественныхъ магазинахъ 20 рублей.

АБОНЕМЕНТЪ. На годъ (безъ доставки) 7 руб. съ доставкой и пересылкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣсяца 2 руб. За границу 10 руб.
 Редакція журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 114.
 Редакторъ-Издатель ... **В. Корецкій.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1914 Г.
НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЖАВОРОНОКЪ

съ картинками въ краскахъ, приложеніемъ книжекъ и подарковъ дѣтямъ
Подписавшіеся на 1914 годъ получать (ежемесячно 1-го числа).

12 ИЛЛЮСТРИРОВ. ВЫПУСКОВЪ
Литературнаго и Научнаго
журнала ДЛЯ ДѢТЕЙ.

15 художественныхъ картинъ,
исполненныхъ
КРАСКАМИ.

10 КНИЖЕКЪ собранія рассказовъ для дѣ-
тей знаменитыхъ русскихъ писателей, съ
портретами авторовъ.
„Моя библиотечка“

10 КНИЖЕКЪ съ картинками
„Книжку-хохотушки“.

10 КНИЖЕКЪ съ картинками:
„БИБЛИОТЕЧКА —
ИГРУШКА“.
Дѣтскія игры и развлечения.

10 КНИЖЕКЪ съ картинками
„ДѢТСКІЯ РАБОТЫ ○○○
○○○○○○○○○ и ЗАНЯТІЯ“.

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ:

Новогодніе подарки:

АЛЬБОМЪ для ЛЮБИМЫХЪ СТИХОВЪ.
ШЕСТЬ ИНТЕРЕСНЫХЪ ИГРЪ.

Пасхальные подарки:

ИЗЯЩНЫЙ АЛЬБОМЪ для РИСОВАНІЯ.
АЛЬБОМЪ КОМИЧЕСКИХЪ ПРЕВРАЩЕНІЙ.

Рождественскіе подарки на елку:

8 ЖИВЫЯ КУКЛЫ
ИГРУШЕКЪ САМОДѢЛОКЪ
Вырѣзные фигуры, съ приложе-
ніемъ руководствъ.

4 ПОТЪШНЫХЪ МАСКИ
для РОЖДЕСТВЕНСКИХЪ ДѢТ-
СКИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ и вечеровъ.
Съ приложен. весел. дѣтск. пьесы.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЯ ОТКРЫТІЯ ПИСЬМА.

картина
въ краскахъ
ГУТМАНА

ШАЛУНЬЯ-БАБОЧКА

работы поставщикъ.
Дв. Е. И. Величества
Голице и Вильборгъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылк. 6 р., на полгода 2 р. 50 к.,
на 3 мѣсяца 1 р. 25 к. За границу 8 р.

Редакція журнала «ЖАВОРОНОКЪ», Спб., Невскій, 114.

Редакторъ Ю. Е. Писарева.

Редакторъ-Издатель Н. В. Морецкій.

Цѣна отдѣльнаго выпуска 40 коп.